

Клеменс
Брентано

Клеменс Брентано

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод с немецкого

ПРИЛОЖЕНИЕ К ИЗДАНИЮ:

CLEMENS BRENTANO

Romanzen vom Rosenkranz

Gedichte

Moskau Verlag Raduga

1985

Москва «Радуга» 1986

Составление и примечания А. В. М и х а й л о в а

Брентано К. Избранные стихотворения. М., «Радуга»,
1986. — 128с. Приложение к изданию на немецком языке:
Клеменс Б р е н т а н о. Избранное. М., «Радуга», 1985

© Состав, примечания и переводы М.,
«Художественная литература», 1985

Б $\frac{470300000-448}{031(05)-86}$ 398-85

ISBN 5-05-000435-7

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящее издание, выпускаемое как Приложение к книге на немецком языке: Clemens Brentano. Romanzen vom Rosenkranz. Gedichte. Moskau, 1985, не дублирует немецкое издание, а лишь представляет читателю лучшее из того, что имеется на сегодняшний день в русских переводах этого замечательного поэта, еще ждущего своего открытия. В оглавление внесены немецкие названия оригиналов и проставлены страницы основного корпуса книги.

ИЗ РОМАНА «ГОДВИ»

Легкий вест, дыханьем тронув
Серебро моих волос,
Меж скалистых этих склонов
Звуки струн моих пронес.
Мне мигает с небосклона
Благосклонный звездный хор,
В полудреме утомленно
Долу клонится мой взор.

Скоро, скоро в царстве новом,
Где ни горя, ни забот,
Дух уснет под вечным кровом,
Сердце радость обретет.
Сквозь мерцанье слез, как тучи,
Реют призраки могил,
Но сквозь пепла слой горячий
Свет надежды проступил.

Плач ребенка, скорбный ропот
Уплывает в горний край,
Моего кумира шепот
Горестно звучит: «Прощай».
Пред желанною дорогой
В мир усопших, в тишину,
Сердце жалобой не трогай,
Утомленный я усну.

Ты двоих в объятья примешь,
Ты мою утетишь дочь,
Крепко отрока обнимешь
И печаль прогонишь прочь.
Дух утешится в скитанье,
Вдруг увидев сквозь эфир:
Две звезды слились в лобзанье,
Всем вокруг даруя мир.

Загорелся грустный лунный
Свет в моих сухих глазах,
И мои тревожит струны
Чей-то вздох, как ветра взмах.
Бродят призраки и тени,
Ускользают из-под рук,
Со стены, как утешенье,
Шлют часы предсмертный стук.

Ненастья вечернего стоны
На башне унылы впотьмах.
Мне слышен твой зов исступленный,
Ты борешься с бурей, ты гибнешь в волнах.

Я вижу над пеной прибрежной
Тревожного пламени дрожь.
Призыв мой печальный и нежный
Ты слышишь, ты любишь, ты в бездну
плывешь.

Люблю и рассудку перечу,
Бросаюсь в гремящий прибой,
К тебе устремляюсь навстречу,
Все тщетно, ты гибнешь, я гибну с тобой.

Вновь жизни кипящая бездна
Меня увлекает ко дну.
Барахтаюсь; все бесполезно.
Лишь смерти пучина сулит тишину.

Там дали бескрайние тают,
Там новая жизнь впереди.
Глаза твои в звездах мерцают.
Не надо так скорбно глядеть, пощади!

Арфа в пышном цветочном уборе,
Реет голос любви в вышине.
Часто пел я в безлюдном просторе,
В одиночестве полном, и мне
Вторили струны по воле руки,
Звуки журчали, гирлянды дрожали,
Горько рыдала любовь от печали,
Наземь роняли цветы лепестки.

Поглядел я сквозь слезы с тоскою
На цветок полумертвый у ног;
Снова арфа в цветах предо мною,
Но безжизнен здесь каждый цветок,
Мнится, — что я над могилой склонен;
Щеки поток орошает горячий,
Холодом веет от струнных созвучий,
Робок и горестен тихий их стон.

Умирает мой голос и слово,
Если мне не кивают цветы,
Мой напев не пробудится снова
Без прельстительной их красоты.

Сколько прекрасных ушло без следа;
О, если эта гирлянда увянет,
Губы застынут и звуков не станет,
Лик мой, бледнее, замрет навсегда.

Но роскошество жизни продлится,
Прах мой станет цветком и травой.
Снова радость моя загорится,
Снова Тилья моя предо мной.
Горе исчезло, лишь легкая тень
Вышла, покинув свое заточенье,
Давним врагам моим дарит прощенье,
Светом сияет, прекрасней, чем день.

Молви из дали,
Мир неземной,
Милы мне стали
Встречи с тобой.

В час, когда зори вечерние тонут
И беззаботные гаснут цвета,
Лоб затененный мерцаньями тронут,
Словно сплетает венок темнота.

В бездне вселенной
Искры светил,
Трепет священный
Я ощутил.

В час, когда лунные слезы и пени
Скорбь пробуждают в ночной тишине,
Всюду покой, и загробные тени
На золотом проплывают челне.

Светлое пенье
Словно волна —
Взлет и паденье,
Высь, глубина.

В час, когда полночи страх всемогущий
Тихо крадется сквозь темень лесов,
В чашах кусты и древесные кущи
Шепчут задумчиво, тихо, без слов:

Поздней порою
В дебрях, в тени
Нежной игрою
Рейте, огни.

Всё — в единенье, в собратстве, все рады
Руку подать в утешение мне,
В черном пространстве мерцают лампы,
Все вековечно в родной глубине.

Молви из дали,
Мир неземной,
Милы мне стали
Встречи с тобой.

В муках рвем оковы жизни брэнной,
Остается неподвижный прах,
О любви рыдают незабвенной,
А она уже на небесах.
Плоть мертва, и только дух нетленный
Держит ангел бережно в руках
И взмывает вестник быстрокрылый
Высоко над меркнувшей могилой.

Плоть уходит в прошлое, но смело
К вечности душа устремлена,
Смерть берет свое, ввергая тело
Навсегда в былые времена.
Для души блаженству нет предела,
В нем она, ему лишь отдана.
Вечно отдаем и получаем,
В этой смене путь наш нескончаем.

Так сердцу тяжело, что слезы — градом,
Мне снова в путь идти неважно,
Бреду с грузом, со мной надежда рядом
Наградой за тщетную мечту.
Любви несвязанной порывы
Я с долгом связывать готов,
Плести венок непрехотливый,
Хоть нет в руках цветов.

Мой взор плывет сквозь слезы, и нежданно
Безмолвный дом встает передо мной.
Я слышу в ветре тихий вздох органа,
Я вижу: свечи гаснут по одной.
Мне голос милой только снится,
Навек ее погашен свет,
Но в стройных тополях таится
Ее немой привет.

Могилу старому готовь,
Строй новый мир без страха,
Тому, с кем радость и любовь,

Не до руин и праха.
Не скорбь, а мощь одним ударом
Покончит навсегда со старым.

ПАМЯТНИК ВИОЛЕТТЫ

Четыре барельефа на гранях постамента
и апофеоз

Первый барельеф

Отроковицы образ предстает:
Руками грудь прикрыла своенравно,
Страшась объятий молодого фавна,
Объятого желанием, но вот

Он бубен ей с плодами подает,
Он поцелуй ее сорвал недавно,
И так плоды ее прельщают явно,
Что поцелуй дала в обмен на плод,

Поскольку отвернулся добрый гений,
В чьем пенье молодой печали власть.
Он в правой держит лиру на колене,

Он левую на сердце держит пясть.
В лукавом взоре девы тень сомнений,
Ей песнь слышна, но побеждает страсть.

Второй барельеф

Здесь пояс целомудрия снимает
С девицы умудренная жена,
Стыдливая краса обнажена,
Ей добрый гений ноги обнимает.

И женщине девица уступает,
Лишь силой любопытства сражена,
Дает ей гений лебеда, она
Рукою правой бубен поднимает,

Безмолвный инструмент заговорил,
Несмело тронутый перстами левой
И легким взмахом голубиных крыл.

С крутой скалы склоняясь над робкой девой,
Голубку фавн протягивает ей,
И вновь желанье разума сильней.

Третий барельеф

Простерла на земле нагое тело,
Изнемогая, в небо взор вперив,
И замерла — вся жажда и порыв, —
Дразня и возбуждаясь то и дело,

Затем чтоб страсть в обоих не скудела.
К ней фавн приник, за бедра обхватив,
Повязка на глазах, но он ретив
И пояс девы совлекает смело.

Она в экстазе бьется, в бубен бьет,
Ломает руки в радости и гнев,
И голуби на грудь садятся деве,

А лебедь песнь предсмертную поет,
Напев любви безгрешной, боли юной,
И гибнет гений лиры златострунной.

Четвертый барельеф

Склонился добрый гений к изголовью,
Целит его дыханья теплота,
Во взоре ясном ласка разлита,
Пред ним — она, сраженная любовью,

Повязку сняв, она исходит кровью,
При свете дня грозит ей слепота,
Лобзанье жизни пьют ее уста,
Мечта ведет безумную к здоровью.

Распущенных волос течет река,
И снова к лире тянется рука,
И снова лебедь расправляет крылья.

Растоптан бубен с парой голубков,
Но злобный фавн не избежал оков,
Он рвется прочь, но тщетны все усилия.

АПОФЕОЗ

Канцона

Молитва

Картину вижу: кротость и отвага
На ней слились в одно,
Как с песнею любовь и гибель с поцелуем.
Страданье, вожделенье, радость блага
Легли на полотно,
Безгрешный дух, как облачко волнуем,
Взмыл по воздушным струям.
Колени преклонив, пред образом стою,
Шепчу мольбу свою:

Любовь и песнь дай в жизни и кончине,
Возьми меня с собой к безбрежной сини!

Одеяние

Восходит девичье нагое тело
Из легких складок ткани.
Приспущенные лишь наполовину,
Они обозначают формы смело,
Трепещут от желаний,
Льнут к пышным бедрам, обтекают спину,
Обрисовав ложбину.
Такою тканью мгла окутывает зори,
Когда целует море
В прощальной миг стопы золотые Фебу
И жар лобзанья стелется по небу.

Виолетта

Страданье плоть прекрасную пронзило,
В борьбе полет и вес,
Стопы и бедра устремились к тучам,
Поникла голова, иссякла сила,
Но чтоб достичь небес,
Доверься дланям гения могучим,
На лебеде летучем
Парит и к лире тянется она,
Легко вознесена
Усиьем гения и благородной птицы,
И водопад волос течет с его десницы.

Добрый гений

Он мягким блеском светит с высоты,
И ласка в кротком взоре,
Божественная мысль его светла,
Сияют торжеством его черты,
Как дымчатые зори,
Длань стройный стан юницы обняла,
И лебеда крыла
Возносят их в простор, а длань другая,
Косу приподнимая,
Влечет волну волос, и движет той рукой
Страданье чистое и долг святой.

Совокупность

Весь этот образ воедино дан,
Как песнопений звуки,
Слова молитв, достигшие высот.
Здесь в каждом сердце столько тяжких ран,
Стремлений, полных муки.
Любовь и песнь к борению влечет,
К покою вознесет.
Так воспаряет, так стремится к лире
Всевышний в горнем мире,
Так лебедь нежится, изображенный тут,
А муки к очищению ведут.

О, боже, вознеси меня! —
Дрожащего в молении несмелом,
К твоим пределам. —
Дай боль излить в слезах, прижми к своей
груди,
Страдание в полете остуди!

ОБРАЗ АННОНЦИАТЫ

Она сидит на склоне. Виноград
Спел для нее укрытье навесное,
Она глядит на небо голубое,
Где стрелы предзакатные парят.

В подоле апельсины так горят,
Как бы хотят напомнить ей о зное,
И медлит в небе солнце огневое,
На тихое дитя бросая взгляд.

Чело венчают пряди смоляные,
Сияют апельсины золотые,
Взывает к солнцу, сидя в стороне,

Павлин, раскинувший свой хвост богатый.
В таких тонах душа Аннонциаты
Желает нам предстать на полотне.

ОБРАЗ МАРИИ

Душою озаренный облик строг,
Пред нами мирный уголок, в котором
Сидит она и шьет, потупясь взором,
Усердно за стежком ведет стежок.

О том, кто грудь ей кисеей облек,
Кто дал работу этим дланям спорым,
Кто лилии расшил цветным узором,
Прильнувший к ней расскажет голубок.

В окне лучи сияют мягким светом,
На стенке образ: смотрит в умиленье
Святой Иосиф с яркого холста.

И если б воссиял еще при этом
Тот голубок, к ней севший на колени,
Она была б совсем как мать Христа.

На Рейне в Бахарахе
Волшебница жила,
Девиц держала в страхе,
Мужчин в полон брала.

Никто на белом свете
Красавицу не влек,
Но кто попал к ней в сети,
Спастись уже не мог.

На суд явиться деве
Епископ дал приказ.
Явилась — был он в гневе,
Взглянул — и гнев погас.

Он улыбнулся мило:
«Бедняжка Лоре Лей,
Какая злая сила
Царит в душе твоей?»

«Святой отец, я рада
Взойти бы на костер,
Мне жизнь страшнее ада,
Ведь губит всех мой взор.

Я жгу сердца глазами,
Мигну, и все за мной.
Меня пошлите в пламя —
И жезл сломайте мой».

«Мне духу б не хватило,
Красотка Лоре Лей.
Ты сердце мне разбила
И жизнь мою разбей.

Тебя судить нет мочи.
Признайся, почему
Твои так жгучи очи? —
От них я смерть приму».

«Смеяться над убогой
Грешно, отец святой,
Прошу теперь у бога
Хоть жалости простой.

Я жизнь мою, поверьте,
Бестрепетно отдам,
Желая скорой смерти,
Пришла я нынче к вам.

По милому тоскую,
Судьбу свою кляня;
Он в сторону чужую
Уехал от меня.

Речей моих услада,
Ланит румяных цвет,
Живая нежность взгляда —
Вот чар моих секрет.

У смертного недуга
Душа моя в плену,
Бледнею от испуга,
Лишь в зеркало взгляну.

Я встречу смерть без дрожи,
Как завещал Христос,

Пусть мир исчезнет божий
И с ним виновник слез».

Прелат призвал трех стражей:
«С ней в монастырь — скорей!
Лишь бог от силы вражьей
Избавит Лоре Лей!

Монахиней смиренной
Ты мир свой обретешь,
Молись Творцу вселенной,
Покуда не умрешь».

К монастырю сквозь дали
Тропа ведет коней,
К трем рыцарям в печали
Взывает Лоре Лей:

«Позвольте мне подняться
На тот утес крутой,
Увижу, может статься,
Мой замок над рекой.

На Рейн глубокий гляну,
На эту красоту,
Потом, коль надо, стану
Невестою Христу».

И дева по отвесной,
По каменной стене
Взобралась и над бездной
Застыла в вышине.

«Я вижу парус белый
Над синью рейнских вод,
Ко мне пловец умелый,
Мой суженый плывет.

Ко мне, навек счастливой,
Мой суженый, скорей!» —
И кинулась с обрыва
В пучину Лоре Лей.

Плыла по Рейну лодка
С хоругвью и крестом,
Епископа красotka
В пловце узрела том.

Чтоб силу чар отринуть,
Чтоб отвести напасть,
Успел он меч откинуть,
К распятию припасть.

Не он ли песню эту
Сюда на Рейн принес?
Разносится по свету,
Когда гудит утес:

Лорелей,
Лорелей,
Лорелей!

Трижды эхом в груди моей!

М а т ь

Мария, куда ты вечер уходила?
Мария, родное дитя!

Д о ч ь

Проведать бабушку я уходила.
Ах, матушка, тяжело дышать!

М а т ь

А чем тебя бабушка угощала?
Мария, родное дитя!

Д о ч ь

Копченой селедкой она угощала.
Ах, матушка, тяжело дышать!

М а т ь

А где же она селедку поймала?
Мария, родное дитя!

Д о ч ь

На грядке капустной в своем огороде.
Ах, матушка, тяжело дышать!

М а т ь

А чем же она в огороде удила?
Мария, родное дитя!

Д о ч ь

Дырявою сетью да ивовой плетью.
Ах, матушка, тяжело дышать!

М а т ь

Куда же объедки потом подевались?
Мария, родное дитя!

Д о ч ь

Сожрала их черная собачонка.
Ах, матушка, тяжело дышать!

М а т ь

Куда ж собачонка черная делась?
Мария, родное дитя!

Д о ч ь

На тысячи мелких кусков разлетелась.
Ах, матушка, тяжело дышать!

М а т ь

Мария, куда положить тебя на ночь?
Мария, родное дитя!

Д о ч ь

На кладбище наше, в сырую землю.
Ах, матушка, тяжело дышать!

Плывет рыбак на лодке,
Так горько одному,
Что милой больше нету,
Не верится ему.

Пока сияют звезды
И ясен свет луны,
Он ждет свою подругу
Из темной глубины.

Ступает дева в лодку,
Печальна и бледна,
В одной рубашке легкой
Пришла она со дна.

Несут их воды Рейна,
Спокойны и чисты.
Что так дрожишь, родная,
Озябла, верно, ты?

Рубашку треплет ветер,
Челнок летит стрелой.
Накинь мой плащ, голубка,
Застудит холод злой.

Простерла к скалам руки,
Нездешней белизны,
Улыбкой привечает
Полночный лик луны.

Кивает старым башням
И хочет луч звезды
Поймать рукою легкой
На зеркале воды.

Сиди спокойно в лодке,
Любимая моя!
Иначе нас затянет
Могучая струя!

Плывут навстречу лодке
Большие города,
И колокола звоны
Доносит иногда.

Вот дева на колени
Становится в челне
И очи поднимает
К небесной вышине.

Любовь моя, потише,
Бездонна глубина!
Водоворот закрутит —
Потопит нас волна!

Монахинь хор далекий
Поет в монастыре,
И догорает свечка
В церковном алтаре.

Поет молитву дева,
Ее умилен вид,
Из глаз роняет слезы,
На милого глядит.

Поет рыбак молитву,
Его печален вид,
С подруги глаз не сводит,
На милую глядит.

Краснее, все краснее
Глубокая река,
Бледнее, все бледнее
Подруга рыбака.

С небес луна скатилась,
За ней звезда вослед,
Глаза закрыла дева,
Не мил ей белый свет.

Родная, доброй ночи!
Родная, добрый день!
Зачем уснуть ты хочешь?
Ушла ночная тень.

Горят на солнце башни,
Шумит зеленый бор;
В нем звонко распевает
Веселый птичий хор.

Услышь скорей, родная,
Веселых птиц привет.
Рыбак глядит и видит,
Что милой в лодке нет.

Вот ласточка промчалась,
Его задела грудь.
Откуда прилетела?
Куда свой держит путь?

Рыбак лежит и дремлет,
Недвижимо весло,
Несет все дальше лодку
И в море унесло.

На корабле по морю
Я плыл издалека
И размышлял о жизни,
Сжимала грудь тоска.

Вот ласточка промчалась,
Шла лодка по волнам,
И пел рыбак ту песню,
Как будто пел я сам.

ВЕСЕЛЫЕ МУЗЫКАНТЫ

В своем искусстве мы не плохи.
Обходим город по ночам,
И, как веселые сполохи,
Погудки наши здесь и там.

Рокочет, хохочет
В ночи тамбурин;
Птенцы-бубенцы —
Не молчит ни один;
Тут же цимбалы,
Как зазывалы;
Незванный звон —
Как странный сон.
Трели свирели
Сердце задели:
Радость и боль...
Слушать изволь!

Мы заиграем серенаду,
И сразу в окнах свет зажгут,
И сверху бросят нам награду
За наш ночной веселый труд.

Рокочет, хохочет
В ночи тамбурин;
Птенцы-бубенцы —
Не молчит ни один;
Тут же цимбалы,
Как зазывалы;
Незванный звон —
Как странный сон.
Трели свирели
Сердце задели:
Радость и боль...
Слушать изволь!

До нашей музыки охочи
В своих покоях стар и млад:
Всех увлекает среди ночи
Наш колдовской певучий лад.

Рокочет, хохочет
В ночи тамбурин;
Птенцы-бубенцы —
Не молчит ни один;
Тут же цимбалы,
Как зазывалы;
Незванный звон —
Как странный сон.
Трели свирели
Сердце задели:
Радость и боль...
Слушать изволь!

Мы ровно в полночь подоспели,
Как пробило двенадцать раз,
И вот уже, вскочив с постели,
Заслушалась девица нас.

Рокочет, хохочет
В ночи тамбурин;
Птенцы-бубенцы —
Не молчит ни один;
Тут же цимбалы,
Как зазывалы;
Незванный звон —
Как странный сон.
Трели свирели
Сердце задели:
Радость и боль...
Слушать изволь!

Когда в своей укромной спальне
Вдвоем с невестою жених,
Мы ближней улице и дальней
Во мраке будем петь о них.

Рокочет, хохочет
В ночи тамбурин;
Птенцы-бубенцы —
Не молчит ни один;
Тут же цимбалы,
Как зазывалы;
Незванный звон —
Как странный сон.
Трели свирели
Сердце задели:
Радость и боль...
Слушать изволь!

На свадьбах мы своим напевом
Всем угождали до сих пор.
Хмельным гостям и нежным девам
Отраден был наш звонкий хор.

Рокочет, хохочет
В ночи тамбурин;
Птенцы-бубенцы —
Не молчит ни один;
Тут же цимбалы,
Как зазывалы;
Незванный звон —
Как странный сон.
Трели свирели
Сердце задели:
Радость и боль...
Слушать изволь!

Однако взгляды нестерпимы,
И не для нас горят огни,
И мы поем, пока незримы,
Как соловьи в ночной тени.

Рокочет, хохочет
В ночи тамбурин;
Птенцы-бубенцы —
Не молчит ни один;
Тут же цимбалы,
Как зазывалы;
Незванный звон —
Как странный сон.
Трели свирели
Сердце задели:
Радость и боль...
Слушать изволь!

Д о ч ь

Мне был бы мрак милее вечный.
Утрачен друг, отец убит;
Вам сладок мой напев беспечный, —
От слез моих мой хлеб горчит.

Рокочет, хохочет
В ночи тамбурин;
Птенцы-бубенцы —
Не молчит ни один;
Тут же цимбалы,
Как зазывалы;
Незванный звон —
Как странный сон.
Трели свирели
Сердце задели:
Радость и боль...
Слушать изволь!

М а т ь

Что мрак, что свет — мне все едино:
От слез ослепла я давно.
В поводыри взяла я сына,
В цимбалы бить мне все равно.

Рокочет, хохочет
В ночи тамбурин;
Птенцы-бубенцы —
Не молчит ни один;
Тут же цимбалы,
Как зазывалы;
Незванный звон —
Как странный сон
Трели свирели
Сердце задели:
Радость и боль...
Слушать изволь!

О б а б р а т а

Какие вывожу я трели,
Когда меня трясет озноб!
Так мне погудки надоели,
Что предпочел бы лечь я в гроб.

Рокочет, хохочет
В ночи тамбурин;
Птенцы-бубенцы —
Не молчит ни один;
Тут же цимбалы,
Как зазывалы;
Незванный звон —
Как странный сон.
Трели свирели

Сердце задели:
Радость и боль...
Слушать изволь!

М а л ь ч и к

Как весело! Сломал я ногу,
Несет меня моя сестра.
Бью в тамбурин я, слава богу!
Развеселиться всем пора.

Рокочет, хохочет
В ночи тамбурин;
Птенцы-бубенцы —
Не молчит ни один;
Тут же цимбалы,
Как зазывалы;
Незванный звон —
Как странный сон.
Трели свирели
Сердце задели:
Радость и боль...
Слушать изволь!

(1801)

Хотел бы для тебя я
Нарвать цветов в саду,
Но скрыла тьма ночная
Цветы, как на беду.

Я в клевер опустил
И слез сдержать не мог,

И тихо распустился
В саду один цветок.

Но лишь за ним нагнулся
В зеленый клевер я,
Как вдруг цветок качнулся:
«Ты не губи меня.

Не рви меня до срока,
Ведь песнь твоя добра.
Не вынуждай жестоко
Погибнуть до утра».

Так он сказал с тоскою,
Так был он одинок.
И потому его я
Сорвать никак не мог.

Тяну к тебе я руки,
До боли одинок.
Ах, нет любви без муки,
И так судил ей бог.

1802

Солнце было и пропало,
И земля оделась тьмой, —
Как лицо зари сияло,
Как печален мрак ночной!

Ах, ушла любовь, пропала,
Все во мне угнетено, —
Как мое лицо сияло,
Как теперь оно темно.

Темнота в себе скрывает
И тоску и радость дня,
Только звезды намекают,
Сколько скрыто в ней огня.

Пусть уста мои скрывают,
Что моя душа в огне,
Слезы тихо намекают,
Что любовь живет во мне.

1802

Легкокрыла жизнь младая,
Упадая и взлетая;
Как душа бы не алкала,
Все ей мало, все ей мало!

Переменчива, как пена,
Дерзновенна и смиренна,
В грезах вся и в мире сущем,
И цветущем и зовущем,

В срок грядет весна желаний,
Чарований, упований,
Лето миртами венчает,
Привечает, величает.

Осень учит прилежанью,
Прозябанью, воздержанью, —
Научи зима лишеньям
И весенним воскрешеньям.

Я молчу, но срок настанет,
Дух воспрянет, песня грянет, —

С горя, с радости? — как знать!
И рыдать и ликовать.

1802

Едва ты, милая, за дверь,
Как я уже тоскую.
Я дал обет себе теперь —
Не целовать другую.

Мои желания сильны,
В них жизнь и страсть едины!
Увы!.. К тебе устремлены
И потому — невинны.

О, как тебя недостает!
Зачем я пел беспечно
Тебе и миру, жалкий мот,
О неге бесконечной.

И ласки наши, как слова,
Свое презрели право:
Речь пресыщения трезва,
А голод — хмель, отрав.

Едва ты, милая, за дверь,
Как мысль во мне разыграла:
Чтоб время вспять пошло теперь
Иль страсть к другой пылала.

Я полон сил, мой жарок пыл,
Смелы мои объятья,
Но я тебе не изменил,
Хоть женщин стал менять я.

Ты хочешь девственной тропой
От мира удалиться,
Но обладание тобой
Мне грезится и снится.

1803

Ах, звезды за счастьем
Плывут в вышине
И смотрят с участием
На нас в тишине.

С небесных просторов
Шлет Дева привет,
Лия без укоров
Свой ласковый свет.

Марс в нежной печали
К Венере склонен,
Чей лик, как в зеркале,
В щите отражен.

Весы не качнутся,
И, как сорванцы,
Поодаль смеются
До слез Близнецы.

1803

Ф а б и о л а

Слушай, флейта вновь рыдает,
И в ручьях звенит прохлада.

П я с т

Золотые звуки тают;
Тише, тише, слушать надо!

Ф а б и о л а

Скромный шепот, нежный лепет,
Сердце, сладостно замри!

П я с т

Мне сквозь ночь доносит трепет
Звуки светлые зари.

1803

Я жил среди людей. Их было много,
Окутанных недвижностью и сном.
Они средь жизни суетной, убогой
Твердили мне о счастье неземном.
Я приходил, но уходил с порога,
Мой взгляд не задержался ни на ком.
Нет, я б остался, но все мимо, мимо
Меня судьба влекла неотвратимо.

Я дружески приветствовал кого-то,
Кто радостно встречал меня в пути,
Но лишь моей души была забота
Не вовремя цветами расцвести,
И я украсил, не прервав полета,
Невинность, встреченную на пути.
А так хотелось мне сдержать движенье
И радоваться рук своих творенью.

Я видел безотрадные картины:
Златой закат денницу не сменял,
Не трогал ветер мрачные вершины,
Напев веселый рощу не пленял,
И не звучала флейта из долины.
Казалось, мир в оцепененье впал.
И слышен был в бушующем потоке
Моих лишь крыльев шорох одинокий.

Решив, что истину в себе открою,
Я в сердце взглядом трепетным проник,
Но даже там я не обрел покоя
И к миру обратил печальный лик.
Там жизнь сочилась сонною рекою,
Судьбу мне звезды начертали вмиг,
И произнес вдруг чей-то голос хладный:
«Для сердца этого все безотрадно».

Я не изведал высших наслаждений,
Не смог я выбрать, недостало сил,
Из мира ускользнул, подобно тени,
Напрасно мучась, так и не открыл,
Где смысл во множестве хитросплетений.
Осталось мне считать лишь взмахи крыл,
Покуда вдаль меня влекли безмолвно
Могучие таинственные волны.

1803

Топ-топ-топ да тук-тук-тук!
Дверь не заперта на крюк.
Ночью дверка скрипнет вдруг.
И в моих объятьях друг.

Страшен каждый шаг и вздох.
А не то что громкий чох;
Вскочит мать, помилуй бог,
И пойдет переполох!

Не задев гуся и пса,
Загляни на полчаса,
Словно месяц в небеса,
Где беззвучны голоса.

Скрип-скрип-скрип да скок-скок-скок...
Загремит в сенях горшок,
И тогда за свой прыжок
Ты заплатишься, дружок.

Осторожность не во вред!
Выдам я тебе секрет:
Там, на лестнице, мой свет,
С давних пор ступеньки нет.

Башмаки держи в зубах,
Проберет служанку страх.
Говорят же, что впотьмах
Черти рыскают в домах.

Не спеши шагнуть во мрак!
Помни: справа спит батрак;
Деревенщина, дурак,
Но большой любитель драк.

Если в дебрях чердака
Потревожишь голубка,
Братец мой наверняка
Прибежит ловить хорька.

Ты бы жалобно вздохнул,
Крепко дверь мою рванул,
Чтобы взвыть мне: «Караул!» —
Словно в доме Вельзевул.

И проснулся бы весь дом,
Был бы ты побит потом;
Лучше драка и содом,
Чем крестины со стыдом.

Но всему своя цена.
Мать была поражена:
«Дочка, ты никак больна?
Юбка-то тебе тесна!»

1807

Юноша

Пожалуй, ведьмочка, в мой сад,
Не в меру солнце жжется.

Русалка

Ах, милый, плачет виноград,
А горлинка смеется.
Руку-куку-ку, руку-куку-ку,
Что стоит за кубок сойти башмачку.

Юноша

Мал башмачок, душа моя,
Кувшин бы выпил весь я.

Р у с а л к а

Что ж, поцелуй добавлю я
Тогда для равновесья.
Руку-куку-ку, руку-куку-ку,
Со скуки немного тебя развлеку.

Ю н о ш а

Ах, научи меня скорей
Всем играм, ради бога!

Р у с а л к а

Ты мнишь, что виноград вкусней,
Коль ягод слишком много?
Руку-куку-ку, руку-куку-ку,
Как нежно прижался височек к виску.

Ю н о ш а

Лоза сладка, когда она
От тяжести провиснет.

Р у с а л к а

Но кубок сладкого вина
Без поцелуя скиснет.
Руку-куку-ку, руку-куку-ку,
Как пальцы забегали по пояску!

Ю н о ш а

А почему в саду весной,
Скажи мне, плачут лозы?

Русалка

В привычку деве молодой
Печаль, тоска и слезы.
Руку-куку-ку, руку-куку-ку,
А ты почему не впадаешь в тоску?

Юноша

А почему бурлит питье,
Когда лоза в цветенье?

Русалка

Так сердце прыгает мое
От твоего волнения.
Руку-куку-ку, руку-куку-ку,
Не грохнись, сердечко, на полном скаку.

Юноша

Опорожнен кувшин до дна,
А я все так же стражду.

Русалка

В реке пурпурная луна
Утихомирит жажду.
Руку-куку-ку, руку-куку-ку,
Налей-ка, луна, им еще по глотку.

Юноша

Кувшин наполнен до краев,
Пьянит волшебной силой.

Русалка

Любовной ссоре соловьев
Давай внимать, мой милый.
Руку-куку-ку, руку-куку-ку,
Кукушка выводит рулады: ку-ку.

Юноша

О чудо, ночь любви полна,
Волнам не нащептаться.

Русалка

И улыбается луна
И манит искупаться.
Руку-куку-ку, руку-куку-ку,
А ведьмочка, как говорится, в соку.

Юноша

Я повернусь к тебе спиной,
Пока ты снимешь платье.

Русалка

Как хорошо играть с волной,
Не в силах описать я.
Руку-куку-ку, руку-куку-ку,
Ну как пересилить соблазн новичку?

Юноша

Как рыба, можешь ты нырять,
А я не плавал сроду.

Русалка

Дабы уменье перенять,
Иди, мой милый, в воду.
Руку-куку-ку, руку-куку-ку,
Чего только спьяну не влезет в башку!

Юноша

Брр-брр! — по правде говоря,
Купаться не хочу я.

Русалка

Тянула, видно, губы зря
К тебе для поцелуя.
Руку-куку-ку, руку-куку-ку,
Наживка, видать, в самый раз по крючку.

Юноша

Ах, до колен вода дошла,
И я изнемогаю!

Русалка

Как робость мне твоя мила,
Когда тебя ласкаю.
Руку-куку-ку, руку-куку-ку,
А с ведьмочкой надобно быть начеку!

Юноша

Уже по пояс мне вода,
И страх гнетет унылый.

Русалка

В обнимку поплывем когда,
Твой страх пройдет, мой милый.
Руку-куку-ку, руку-куку-ку,
А рыльце у ведьмочки, видно, в пушку.

Юноша

Похолодело все в груди.
О бездна роковая!

Русалка

В мои объятия ты приди,
И жизнь вдохну в тебя я.
Руку-куку-ку, руку-куку-ку,
Увы, не сорваться теперь дурачку!

Юноша

Уже по горло мне вода,
А мы все точим лясы.

Русалка

О знал бы, до чего, балда,
Скверны твои гримасы!
Руку-куку-ку, руку-куку-ку,
Смотри, только сдуру не выпей реку.

Юноша

О мир, прощай! — над головой
Вода навек сомкнется!

Русалка

На берегу наследник твой
От радости смеется.
Руку-куку-ку, руку-куку-ку,
А завтра наследничка уволоку!

1810–1811

В чаще тайной, заповедной,
Без овечек, без подруги,
Пастушок скитался бедный,
Все равно, в какой округе.

То был весел без оглядки,
То душа его в печали.
Счастьем горьким, скорбью сладкой
Тучи небо устилали.

Вслед за мрачной вереницей,
Звезды спрятавшей от взора,
Скрытым шагом он стремится
В край желанного простора.

Неустанными стопами,
Тропкой на гору и с горки,
На устах немое пламя,
В сердце горе и восторги!

Дерева, — чредою стройной
В роще буковой, дубовой, —
Подскажите, что достойно
Целью стать пути такого.

Нашепчи, источник пенный,
Научи, скала, скитальца,
Где, предчувствием блаженны,
Ждут такого постояльца.

Роза, глазки раскрывая,
Объясни ему дорогу,
Крошка-лилия, кивая,
Разгони его тревогу.

Рождества ль настало время?
Ночь Святая, присоветуй —
Где, в котором Вифлееме, —
Небо высветив кометой.

Но безмолвны лес и горы,
Безуханно трав цветенье,
Не сновидят ночью взоры,
Правды нету в пробужденье.

И сидит он без отрады
На лугу иль на поляне,
Сиротливых мыслей стадо,
Как на выпасе, в бурьяне.

На сырой земле лежит он,
На бесхитростной постели.
Воздух росами напиган.
Вдруг откуда-то свирели.

Слышно пение пастушье,
Трели, звонкие рулады.
Но на сердце — равнодушье,
И ничто не стоит взгляда.

Кто вы, дальние певуны?
Он заслушался одною:
Голос плыл, как в полнолуние
Цвет речной, влеком волною.

Пели хором, но казалось,
Что поет одна на свете,
Словно солнце показалось
Ночью, внидя в песни эти.

И взглянул он, озирая
Строй дерев тенистых: где вы
Обитаете, играя,
Где ваш дом, лесные девы?

И взглянул он вдаль, за вами
Устремляясь томным взором, —
Путь отмечен светляками
К заповеданным просторам.

Дол предстал ему зеркалом
В ночь глядящихся течений,
Голос — ласковым началом
Долгих лунных обольщений.

И от голоса до взгляда
Радуга запламенела.
И сказал: моста не надо,
Опустишь в пучину смело.

Лик увидеть этой девы!
Голосу, конечно, равный,
Расточившему напевы
Для души моей бесславной!

И спешит во тьму долины,
И дорогу выznать хочет.
Отрок вдруг... Плетет корзины
И малютки-стрелы точит.

И пастух к нему, пытая,
Обращается с вопросом:
Где живет моя святая
С пением сладкоголосым?

Улыбается невинный:
Недалече те пределы.
Для нее плетет корзины,
Для нее он точит стрелы.

И пастух стремится дале,
Волю дав воображенью,
И она, в его печали,
Перед ним мелькает тенью —

Синий взор, златые кольца
Кос, уста со сладким стоном, —
Словно в мае колокольцы
С потаенным перезвоном.

И с блаженным содроганьем
Пчелам внемлет он медовым,
В дальний путь своим жужжаньем
Пастуха вести готовым.

Вот минует он ворота,
Вот в саду стоит чудесном,
В ожидании чего-то
Полон счастьем небесным.

И, внезапная обманка, —
Ах, как сон ему слукавил, —
Появляется смуглянка,
Хоть белянку он представил.

Отдает он ей корзину,
Стрелы, сладко заточенны...
Не от них ли я и сгину —
Он вздыхает обреченно.

И глядит в колодец, темный
И таинственно дрожащий,
Ее глаз — головоломный,
Пагубный, сердцекружащий.

О пастушке возмечтавший
С чаровницей повстречался,
Лишь венки плести желавший
В женских косах запутался.

Фея, стрелами играя,
В грудь ему одну вонзила.
Пела слаще звуков рая,
А взглянула — погубила.

Навсегда проститься с нею
Он решил — и удалился.
Глянул издали на фею,
Затворил врата и скрылся.

Там, где гуще стали чащи,
Отрок вслед ему смеется:
Не по нраву взор горящий?
Греза с явью не сойдется?

Лишь одно прикосновение —
И охвачен ты дурманом.
Сторожу ее владенья
Я, Эрот, малыш с колчаном.

Распознав погибель поздно,
Скрылся юноша в дубраве,
А над ним все небо звездно,
А вокруг — из сна и яви —

Голоса ему повсюду,
Мир волшеббно благозвучен,
И пастух — свершилось чудо —
С нею в мыслях неразлучен.

Он цветы собрал невольно,
Разложил их со значением
И отправил безглагольно
В край, объятый дивным пеньем.

И цветы рекли: была ты
В грезах золотоволосой,
Пламень страсти сжег то злато
И как уголь стали косы.

Покарай меня за это
Черной тьмой ночного взора, —
Две звезды в ночи воздеты,
И зайдут они нескоро.

И, не вымолвив ни слова,
Снова он предстал пред нею:
Ее взоры не суровы,
Не назвать гордячкой фею!

Но увы! мужчина в келью
Дерзко вторгся к чаровнице —
А в глазах ее веселье
Пуще прежнего искрится.

Весь оружием увешан,
Весь рубцами изукрашен —
Чистый немец! хоть и грешен,
Но волшебнице не страшен.

Час триумфа для героя!
По цветам идет державно.
По цветам ступает, кои
Пастушок собрал недавно.

И пастух спешит подале, —
Для троих в светлице душно, —
И смуглянка без печали
Говорит ему радушно:

Пропадать и впредь не надо
Без ответа и привета.
Приходи, я буду рада
Знать значение букета.

И пастух сказал: Святая,
Пусть не мне ходить в героях,
Но опять приду когда я,
Будь добра, прими обоих!

1811

Иду, во сне иль наяву,
По скошенному лугу.

Мою любимую зову,
Ищу мою подругу —
Тройлиб, любовь мою верную!

Скажи мне, сторож мирных стад,
Тройлиб тебе знакома?
Полюбоваться на ягнят
Она пошла из дома,
Тройлиб, любовь моя верная!

Тройлиб со мною в том стогу
Немного поваялась.
Я нахвалиться не могу,
Как сладко целовалась
Тройлиб, любовь твоя верная!

Я дул в рожок, я плел венок,
Я собирал цветочки,
Я звал ее на тот лужок,
Где пляшут все в кружочке,
Тройлиб, любовь твою верную!

Но только лишь раздался глас
Охотничьего рога,
Она сбежала в тот же час
Во тьму лесного лога,
Тройлиб, любовь твоя верная!

Иду, во сне иль наяву,
Ору на всю округу.
Мою любимую зову,
Ищу мою подругу —
Тройлиб, любовь мою верную!

Охотник, не было ли тут
Задумчивой девицы?

Ей интересно, как живут
Олени и лисицы, —
Тройлиб, любви моей верной!

А как же... Здесь, вдвоем со мной,
Во мху она лежала,
Так разморил бедняжку зной —
Что к речке побежала
Тройлиб, любовь твоя верная!

А в эту пору мельник плыл,
Горланил песни в лодке,
И показался мельник мил
Стремительной красотке —
Тройлиб, любви твоей верной!

Иду, во сне иль наяву,
По быстрому теченью.
Мою любимую зову —
Летучее виденье,
Тройлиб, любовь мою верную!

Прости мне, милый мукомол,
Тебя побеспокою.
Подругу — битый час прошел —
Послал я за мукою,
Тройлиб, любовь мою верную!

Она уселась на мешки,
Кивнула головою,
И было нам не до муки
Все два часа с лихвою! —
Тройлиб, любовь твоя верная!

Вдруг видим, скачет эскадрон —
И все переменял он.

Там барабанщик был силен,
Ее переманил он —
Тройлиб, любовь твою верную!

Иду, во сне иль наяву,
По следу эскадрона.
Мою любимую зову
Смятенно и смущенно —
Тройлиб, любовь мою верную!

Ты барабанщик, ты герой,
Ты зорю бьешь во мраке.
Хотела барабанный бой
Послушать на биваке
Тройлиб, любовь моя верная!

Тройлиб явилась на бивак
И тут заночевала.
Всех помирила забияк,
Тихонь в огонь вогнала
Тройлиб, любовь твоя верная.

Но вдруг увидели у лип
Мы нищего студента,
И уж не видели Тройлиб
Мы с этого момента —
Тройлиб, любовь твою верную!

Иду, во сне иль наяву,
Вослед на нищebroдом.
Мою любимую зову
Пред всем честным народом —
Тройлиб, любовь мою верную!

Скажи мне, юный книгочей,
Не встретил ли Тройлиб ты?

Иль не с тобой во тьме ночей
Листает манускрипты
Тройлиб, любовь моя верная?

Солдатской водки мне дала —
Припал к ее ковшу я —
И хлеб с бродяжьего стола
Умяла подчистую
Тройлиб, любовь твоя верная!

Но как-то раз у кузнеца
Мы с ней на пару пели.
Нашла, что молот молодца
Звучней, чем наши трели,
Тройлиб, любовь твоя верная!

«Кузнец, — промолвила, — твой труд
Ученых игр похвальной.
Я навсегда останусь тут
Твоею наковальной —
Тройлиб, любовь твоя верная!»

Иду, во сне иль наяву,
Иду на пламя горна.
Мою любимую зову,
Ищу ее упорно —
Тройлиб, любовь мою верную!

Сказал кузнец: ушла с купцом.
Купец: ушла с менялой.
Меняла: путалась с мальцом,
К могильщику сбежала
Тройлиб, любовь твоя верная!

Иду, во сне иль наяву,
На сельское кладбище.

Свою любимую зову,
Молю ее, как нищий, —
Тройлиб, любовь мою верную!

Могильщик, сторож мертвецов,
Ответь: во тьме кромешной
Ты не слышал ли здесь шагов
Сиротки безутешной —
Тройлиб, любви моей верной?

Тройлиб, бывало, здесь со мной
О многом толковала,
У тех, кто кончил путь земной,
Одежку воровала
Тройлиб, любовь твоя верная!

Фагой страдалицы одной
Чуть наготу прикроет,
Бесстыдно спляшет под луной —
И новый труп отроет
Тройлиб, любовь твоя верная!

А тех, кто в золоте лежит,
Отыщет, как гиена.
В богатом гробе хитрый жид
Подмял ее мгновенно —
Тройлиб, любовь твою верную!

О боже! покажи, старик,
Могилу иудея!
До виселицы напрямик —
И в трех шагах левее
Тройлиб, любовь твоя верная!

Иду, во сне иль наяву,
К подножью эшафота.

Мою любимую зову,
Робея отчего-то, —
Тройлиб, любовь мою верную!

Ну, богомерзкий иудей,
Куда девал девицу?
Она крестить тебя, злодей,
Пошла святой водицей —
Тройлиб, любовь моя верная!

Твоя красotka в гроб ко мне
Легла без отговорок,
Собаки выли при луне,
И плыл полночный морок —
Тройлиб, любовь твоя верная!

Но чертов висельник в петле
Звал, скалясь, девку в гости,
Чуть разошелся я в земле —
Она уж на помосте,
Тройлиб, любовь твоя верная!

Иду, во сне иль наяву,
К скрипучему помосту.
Мою любимую зову,
Кричу всему погосту:
Тройлиб, любовь моя верная!

Ответь, удушенник, а ты
Не подсоблял девице
Взглянуть на землю с высоты,
Чтоб впредь с пути не сбиться, —
Тройлиб, любви моей верной?

Примчалась чуть ли не бегом,
Мы с нею повисели.

Уселась на меня верхом,
Устроила качели
Тройлиб, любовь твоя верная!

Но тут раздался адский гул
И дьявольские стуки —
И появился Вельзевул
Верхом на старой суке —
К Тройлиб, любви твоей верной!

Она немедленно в бега —
Не знаю, чем привлек он.
Схватила черта за рога
И сгнула на Брокен
Тройлиб, любовь твоя верная!

Иду, во сне иль наяву,
На дьявольскую кручу.
Мою любимую зову,
Боюсь, что ей наскучу:
Тройлиб, любви моей верной!

Не здесь ли, добрый Сатана,
В местечке непролазном,
Моя любимая? Она
Пошла на бой с соблазном —
Тройлиб, любовь моя верная!

Тройлиб была ко мне мила,
Вовсю вертела задом,
Но так, негодная, лгала,
Что стыдно перед адом!
Тройлиб, любовь твоя верная!

Бери ее! И без нее
Чертям хватает грязи...

Тройлиб! сокровище мое! —
Сказал я мерзкой мрази. —
Тройлиб! любовь моя верная!

Тройлиб! Любимая! Ответь —
Тройлиб тебе знакома?
На мир широкий поглядеть
Она ушла из дома —
Тройлиб, любовь моя верная!

Опять любовь?.. — Ее ответ
Был резче оплеухи. —
Любовь ты выдумал, поэт,
Не лезь с любовью к шлюхе —
К Тройлиб, любви твоей верной!

1812

ИЗ «РЕЙНСКИХ СКАЗОК»

Д е в у ш к а

Смолкни, милый соловей,
Чтобы эхо из ветвей
Лорелею не пугало.
Ах! Она мила, добра, —
Там, в колодце, до утра
Пусть поспит, она устала.
Притаись за розой алой.
Ветви дуба, не шумите!
Тише, тише, замолчите!
Тихо, ветер, погоди,
Лорелею не буди.

Видишь, я чуть слышно плачу.
В лунном свете наудачу
Я брожу и тихо плачу...

С о л о в е й

Лорелея, Лорелея!
Я пою, любовью млея.
Нежно шепчет вся аллея:
Лорелея, Лорелея!..
Вот луна взошла, светлея.
Выйди, девочку жалея!
Я пою, золотая фея:
Лорелея, Лорелея!

Л о р е л е я

Кто будит меня?
Не выйду я, нет!
Окутал меня
Таинственный свет.
Сон держит меня —
Вот мой ответ...

Я скитаюсь вдоль по свету
Через горы и леса,
И везде, полны привета,
Надо мною небеса.

Здесь, пожалуй, заночую,
Здесь, где слышен рокот вод,
Где соловушка, чаруя,
В роще буковой живет.

Соловьиные рулады
Уготовят гостью пир,
И душа, полна досады,
Здесь во сне обрящет мир.

Мне знакомо это пенье,
Мне знакома эта страсть.
Этот ропот нетерпенья,
Эта сладкая напасть.

И у ног моих играет
Расшалившийся ручей,
Те же звезды в нем мерцают,
Что на родине моей.

Эха вкрадчивые речи
Шелестят среди ветвей.
Неужели вновь не встречу
Я Амелии моей?
Звезды! сказочные свечи
В честь Амелии моей!

Очи звездные! Блаженный
Лик не скрыт от вас судьбой —
Под луною сокровенный,
А на солнце — золотой.

Месяц! Солнце! Два светила,
Опящите мир земной,
Чтобы крылья уронила
Жизнь под чарою двойной.

Чтоб, простившись с тайной бездной,
Счастье сделалось смелей
И пришло бы к нам с любезной —
К нам с Амелией моей!

Э х о

Вот безумец, ей-же-ей!
Что за вздор среди ветвей!
Убирайся поскорей!

Х о р

Небо в небе, небо в водах,
Волны, звезды и луна,
И в любовных хороводах
Ночь небес отражена.

Что за диво задышало!
Росы роз и лепет лоз!
Как серьезно смотрят скалы
В бездну Эха, под откос!

Рейн, ты свадебное ложе!
Здесь венчаться мы должны.
Ты воистину дороже
Звезд небесных и луны.

Б р а т ь я Б е л ы й М а й н и
К р а с н ы й М а й н

С крутизны баварских горок
Братья прибыли тотчас,
Сказок помня целый ворох, —
Горных карликов рассказ.

С нами нимфы, с нами песни, —
И прекрасны, и умны, —

Несть истории прелестней,
Чем преданья старины.

В изумрудные палаты
Нас отец родной призвал,
В водяные анфилады
Сквозь врата прибрежных скал.

Мы тобой плененным детям
Собираемся помочь:
Горе сказками расцветим
И тоску прогоним прочь.

Н и м ф ы (о д н а з а д р у г о й)

Прозываюсь речкой Родах,
Розы робкие сорвав,
Их несу в прозрачных водах
Для ребяческих забав.

Меня кличут речкой Иче,
Птичьи песни я несу
И отличную добычу —
Рог охотничий в лесу.

Мы втроем бежим по свету —
Бунах, Эллерн, Лутенбах, —
И у нас одни секреты
Пузырьками на губах.

Королевой, речка Регниц,
Я не зря наречена:
Три реки — Айш, Визент, Пегниц —
Я водой пою сполна.

Айш красна вишневым цветом,
Визент — винно-золотым,
С песней, сказкой и приветом
К малым детям мы спешим.

Речка Пегниц, я игрушки
С дальней ярмарки несу —
Пупсы, пушки, погремущки, —
Нюрнбергскую красу.

Вот ковчег — точь-в-точь как Ноев,
Вот тетрадь — но, чур, без клякс!
Вот рассказы про героев!
Вот веселый мейстер Сакс!

Ах, какое будет диво!
Позабудете тоску,
Чуть я выложу лениво
Все богатство по песку.

Налетай! Ура! Бесплатно!
Будет плакать — я не съем.
Вам приятно — мне приятно!
Не деритесь — хватит всем!

Неужель в подводном зале
Разобрали все места?
Прибывает речка Зале,
Вечно солнцем залита.

Много знаю, речка Зинна,
Я бегу сквозь бурелом,
Я лесная, мой старинный
Друг слывет Лесным Царем.

Мне муку молотье милее,
Чем по мельнику вздыхать,
Пусть я и не Лорелея,
Ну, а все же — Лорой звать.

Речкой Таубер зовусь я,
И таинствен мой убор,
К малым детям бурно мчусь я,
Как табун, во весь опор.

Речка Нидда, речка Нидда
Любит прятки, а не спесь,
Не показывает вида,
Здесь она или не здесь.

Х о р

Вам привет, о вертограды!
Вам привет, уступы скал!
Вы сейчас полны отрады —
Сон господь вам ниспослал.

Нива злака золотого!
Звук пастушеского зова!
Башни замка векового!
Церкви бога всеблагого!

Вам, великие герои,
Жертвы Вакха и жрецы, —
Над великою водою
Вам привет во все концы!

В о д я н о й

Чем здешний сумрак знаменит?
Здесь корень зла, убийств, обид.
Здесь Нибелунгов клад укрыт.
Здесь копыя, кольца и каменья
Лежат во мраке погребенья
Под кровом рейнского теченья;
Здесь все, что каждый изберет,
Спеша на пир или в поход,
Льет дивный свет сквозь толщу вод.

Б е л ы й М а й н

Старик, узнать я буду рад,
Что значит — Нибелунгов клад.
Зачем он злобою чреват?

В о д я н о й

На дно сокровище упало,
А как оно туда попало,
Сам Рейн не вспомнит уж, пожалуй.

Но здравствуют еще четыре
Премудрых старца в этом мире,
Их знания — несравненно шире.

Один сидит на речке Шпрее,
Звать доктор Хаген книгочея,
Он думает, ему виднее.

Другой, на речке Изер сидя,
Всегда на первого в обиде:
То Доцен — дока в чистом виде.

А третий и четвертый, с ним
Не споря, заняты своим.
То с речки Фульда братья Grimm.

Все четверо — когда б спросили,
Откуда клад в речной могиле, —
Ответили б: не мы зарыли.

А как умрет из наших трое, —
Четвертый мыслит, — клад отрою
И все по-своему устрою.

К р а с н ы й М а й н

Старик, узнать мы были б рады,
Куда от здешней колоннады
Ведут чертогов анфилады?

В о д я н о й

Здесь по изгибам семикратным
Идешь к приделам семивратным
В святилище семипалатном.

Семь лестниц миновав вначале,
Пребудешь в семисветном зале,
Где семь дверей ведут и дале.

Там, в зале, на семи престолах,
В семи священных ореолах, —
Вокруг семь дочерей веселых, —

Сидит царица Лорелея,
Красавица и ворожея,
Подводным царством владея.

Дворец великой чаровницы
Скалой снаружи громоздится,
Внутри же — выстлан перловицей.

Она заветный клад хранит.
Она на страже вечно бдит.
И если кто-нибудь смутит, —
Певец, рыбак, — речной покой,
Шлет семикратной чередой
Послушных дочерей верный строй
Повыведать, кто он такой.

Л о р е л е я

Еле слышно, еле слышно,
Колыбельная, звучи,
Как велит нам месяц вышний,
В небе лья свои лучи.

Детки малые уснули
В колыбели рейнских вод,
И в печальном карауле
Им Амелия поет.

Пойте, сестры, слитным строем,
Как, журча у камня, воды,
Как, кружась медвяным роем,
Пчелы после непогоды.

М у к а с е р д е ч н а я

Кто с хлебом слез своих не ел,
Кто в жизни целыми ночами,

Стеня, на ложе не сидел,
Тот незнаком с небесными властями!

Кто не ходил к реке один,
Кто, наклонясь к ней, быстротечной,
Зеркальных не видал картин,
Тот муки и не ведает сердечной.

Х о р

Глянь! луна вверху восходит.
Слышь! вода внизу исходит.
Раз, два и раз —
Ни капли для нас.

М у к а л ю б о в н а я

Кто руки заломил у скал,
Кто песни пастуха страшится
И лунной влаги не взалкал,
К тому тоска тягчайшая стучится.

Кто на лугу не рвет цветов,
Кто их без сожаленья давит
Чредой скитальческих шагов,
Тот мучиться любовь свою заставит.

Х о р

Глянь! цветов дрожат головки.
Слышь! стена, поют соловки.
Раз, два и раз —
Болезнен отказ.

К л я т в а л ю б о в н а я

Кто верности обет презрит,
Кто слов святых ни в грош не ставит,
Кто их лукавым вздором мнит,
Тот честь свою на женский волос ставит.

Кто хочет посмешить богов
Кошунственной любовной ложью,
Безумец, он отверг любовь,
Но угодит ей под колеса позже.

Х о р

Глянь! совы взор жгучий зорок.
Слышь! летучей мыши вспорх.
Раз, два и раз —
Смолк верности глас.

З а в и с т ь л ю б о в н а я

Кто бросит камнем в голубей,
Чтобы прервать их воркованье,
И светом ложных фонарей
Смутит пловца влюбленного скитанья;

Кто по примятости травы
В грехе пастушку уличает
И грех несет на суд молвы,
Тот в сердце червя зависти питает.

Х о р

Глянь! змеи в цветущих кущах жало.
Слышь! соловка жалко завздыхала.
Раз, два и раз —
Вот зависти глас.

Раскаяние и страдание

Кто кары ждет одной за грех,
А смерти сердца не страшится,
Свою вину с грехами всех
Слагая, к покаянью не стремится,

Кто времени готов пенять
И — за мгновенность — мирозданию,
Тому вовеки не понять,
Как льнет в душе раскаянье к страданию.

Х о р

Слышь! червь гложет древесину!
Слышь! тоска трясет осину!
Раз, два и раз —
Раскаянье в нас.

С о с т р а д а н и е

Кто гнезд чужих не разорял,
Кто в небе ласточек полету
Душой смягчившейся внимал,
Тот рад о ближнем проявить заботу.

Кто колос гнутый разогнет,
Кто, муху вырвав из неволи,
И паутины не порвет,
Тот полон состраданья к каждой боли.

Х о р

Глянь! пух ягненка остался на тернях,
Чтобы птенец не погиб на растеньях.
Раз, два и раз —
Есть жалость и в нас.

Р а д о с т н а я л ю б о в ь

Кто встретил радостно рассвет,
И в полдень весело смеялся,
И, в темноте затеплив свет,
Читал, пока рассвета не дождался,

Тот радостно в глаза любви заглянет,
А если под колеса угодит ей,
Печалиться и плакаться не станет,
Отрады полн — былой, но не забытой.

Х о р

Глянь! смеется ночью воздух.
Слышь! вот птичья песнь при звездах.
Дол, лес и дол —
К нам мельник пришел.

На Рейне ночь настала.
Отец, родной поток!
Вот уж замерцала
Пыль твоих дорог —
Вода, вся в звездном свете,
И тучи спят, как дети, —
Луна поет.

Как сладко спится в лодке,
Когда такая тишь.
А ты, владыка кроткий,
Ладью вперед стремишь.
Тебе и сна не надо —
Упьяшешь до упаду
Ночь спелых лоз.

Твой вид — отрада взора,
Ты гонишь прочь тоску,
Ты слабому — опора,
Богатство — бедняку.
Ты замки отражаешь,
Ты бочки наливаешь
Младым вином.

Но ты порой виною
Разлуки двух сердец.
Бог сжалится над тою,
Что здесь нашла конец.
Как тени, эти двое
Объяты тишиною,
Когда б не плач.

Тебя порою молят,
Кричат порой: «Тону!»
Кто дерзок, тех неволит
Волна пойти ко дну.
Когда затянет бездна,
Молиться бесполезно,
А все ж зовут...

А я порой — послушай —
Тобою вдохновлен:
Течешь ты — льется в душу
Благословенный звон.
И песнь моя ночная,
Как мельница речная,
Живет волной.

Не надо, звезды, света!
Тьма — полог для отца.
И дрема до рассвета —
Таков удел пловца.

Родитель Рейн, терпенье —
И песнь благодаренья
Тебе спою.

Пушу я плыть по водам
Бесхитростный венок —
Под темным небосводом
Спокойный день поблек.
Петь больше нету мочи.
Мой Рейн, спокойной ночи!
Отец мой, Рейн!

О ветер прохладный,
О лепет волны,
О берег отградный,
Где мы рождены!

О зелень земная
В лазури небес!
Тебя вспоминая,
Я сердцем воскрес.

Раздумья! Как лозы,
Обвейтесь вокруг!
Здесь ласковы грозы
И ветер мне друг.

Почти неприметный,
Над сердцем моим
Лепечет, приветный,
Что здесь я любим.

Небесные дали
Как в райском саду;

И в люльке мне дали
Оттуда звезду.

О Рейн благодатный!
Ты вечно в пути.
Покой невозвратный
Ты мне возврати.

И в смутной надежде,
Пусть мельницы нет,
Стучит, как и прежде,
Мне сердце в ответ.

О Рейн, как тревожно
Блуждал я вдали,
Сказать невозможно,
Но ты мне внемли.

В твоём обаянье
Я здесь наконец.
Ты в лунном сиянье
Прими мой венец.

1811 (1846)

Свет Спасенья в вышине, —
Путь к нему — тропой отвесной,
Путь, невидимый извне;
Мы над бездной оробели,
Все оказывалось ложью,
Вновь срывались мы к подножью,

Но внутри себя, — как долго
Мы брели по бездорожью.
Путь Любви, Надежды, Веры
Мы узнали с тайной дрожью,
И с тех пор мы не робели.
Обопрись на руку божью, —
Жив младенец в колыбели.

Пустыня, бархан за барханом,
Сухого песка океаном
Ты ноги мне сожгла.
А солнце палит нещадно,
И каждый источник хладный
Им испепелен дотла.
Я жажду, но безотрадно.
Кровь каплет — хотя б текла.

Все было в моем караване.
Огонь у меня в гортани.
Жену бы спасти, детей!
Но где же конец скитаний,
Где золото, каменья, ткани —
В могиле среди зыбей?
О небо! Молю о манне —
Дождя нам пошли скорей.

Мечом, размягченным жарою,
Малым чадам могилу рою —
И младшенькому — в песке.
Сын спал в материнском лоне,
И так и родился он — соней, —
И мать умерла в тоске.
Гиены ревут, но ничто не
Дрогнет у Рока в руке.

Слезами напиться бы вволю!
Да слез не имею боле.
Оазис, куда ты пропал?
Сердце углем под зноем стало.
Цель пути, не ты ли предстала?
Я к падающей звезде воззвал:
Имя господи воссияло!
Слава богу! Бог дал — бог взял.

Умолкни, сердце! мстительной сивилле,
Твою судьбу пророчащей скорбя,
И алчности, снедающей тебя,
Любовь не даст торжествовать и крылья
Возложит на зияющие раны,
Звездой разбудит спящие курганы.

Умолкни, сердце! слушай шорох каждый,
Приемли молча свой удел земной,
Туда, где все починут под землей,
Тебя, отпев, перенесут однажды.
Но ты во тьме не будешь одиноким —
Любимая спит рядом сном глубоким.

Умолкни, сердце! ведь гордиться нечем,
Ничем ты не владело никогда!
Погаснет в небесах твоя звезда,
Но свет любви неизмерим и вечен.
Замрут сердца, но без следа не канут,
А в унисон с живыми биться станут.

Умолкни, сердце! благостно молчанье.
Греховною стезей ты не пойдешь,
Покой в руках Невинной обретешь,

В очах ее — блаженства предсказанье.
Ее не мучай, воспари мечтою:
Вся сладость гроздьев рождена лозою.

Умолкни, сердце! плач твой — крик вороний
Для милой, ей же голуби милей.
Будь счастливо, пока ты любо ей,
И зерна склевывай с ее ладони.
Так жить бы возле милой, словно птица,
И хищных черных клювов не страшиться.

Умолкни, сердце! и смотри бодрее,
Как в красоте любовь твоя царит.
Тебе всех более она дарит,
Так пусть в тебя поверит поскорее.
Надейся, верь, молчи, снося лишенья:
Развей ее последние сомненья.

1817

Не плачь, душа, молчи!
Ведь канет все в ночи!
Но я воскрес и вот
Блуждающей звездой кружу над нею,
В изгнанье дух плывет
И не умрет.

Да, канет все в ночи!
Лишь нити той полет,
Что протяну я между мной и ею,
К любимой путь найдет
И не умрет.

Да, канет все в ночи!
Но сердце свет прольет,
Звук милых чистых уст,
расставшись с нею,
В тиши меня найдет
И не умрет!

Да, канет все в ночи!
И лишь она поймет,
Как чужд всему я верою своею,
И не ушла, и ждет,
Мне руку подает!

Да, канет все в ночи!
Но в прах не перейдет
Души обет, что с преданностью всею
Мне ангел милый шлет, —
Нет, не умрет!

Да, канет все в ночи!
Но рук любимых взлет,
Что к сердцу своему прижал пьянея
Я в час блаженный тот, —
Нет, не умрет!

Да, канет все в ночи!
Но жар, что сердце жжет,
И рана горькая, залеченная ею,
Рукой как нежный мед, —
Нет, не умрет!

1817

ПЕСНЬ ЗЯБЛИКА О МОНЕТКЕ В ДЕВЯТЬ ГРОШЕЙ, ВЕРБЛЮДЕ И ВЕРБЛЮЖЬЕМ ГОРБЕ

Вновь ликует, как бывало,
Зяблик в утренней тиши,
И спадает покрывало
С потревоженной души.

Небо хмурится сквозь ветки
Безнадежною тоской,
А в груди разлился редкий
Удивительный покой.

Ах, когда б он длился вечно! —
Но грустить сегодня грех,
Вслед за зябликом беспечно
Петь готов я громче всех!

Пробудился бор сосновый,
Щебет, писк в глуши лесной:
Все живое к жизни новой
Нынче тянется со мной.

Не упасть без божьей воли
С ветки малому птенцу, —
Счастлив я не оттого ли,
Что доверился Творцу?

Был не раз я грешен, каюсь,
Но, блуждая в темноте,
Оступаясь, спотыкаясь,
Исцелялся во Христе.

Сердце, сердце, к высям чистым
Легкой птицей воспарь!
(Солнце, песни днем лучистым,
Сон безгрешный до зари!)

Там гнездо давно готово
Для души моей больной:
Подо мной земля Христова,
Свет небесный надо мной.

Вижу я: бредет лугами
Дева, голову склоня,
Никнут травы под ногами,
Сжалось сердце у меня.

Никнут травы, плачет дева,
Жаждет высшего суда:
«Проклято сухое древо,
Не дающее плода».

Плачет, смотрит отрешенно
И вздыхает тяжело,
И спросил я сокрушенно:
«Что с тобой произошло?»

«Господин ты мой хороший,
Дай лишь слезы я утру:
Я монетку в девять грошей
Обронила поутру».

«Серебром?» — «Господь помишуй!
Медью». — «Стоит ли рыдать?
За тебя, мой ангел милый,
Душу я готов отдать!»

И птенец без божьей воли
Не упал бы из гнезда.
Потерялся грошик в поле —
Это, право, не беда.

Кто сочтет мои потери?
Все утратил я давно,
Но спасенье в полной мере
Мне тобой возвращено.

Будь всегда со мной и помни:
Я одну тебя люблю.
Все, что в жизни суждено мне,
Я с тобою разделю.

Пораженья и победы,
Боль неправедных смертей,
Жалость к ближнему и беды
Обездоленных детей».

Улыбнулась, и впервые
Просветлело все вокруг,
И сквозь тучи грозовые
Солнце выглянуло вдруг.

«Милый Линум, хмурить брови
Нам сегодня не к лицу:
Разве мало отчей крови
Пеликанову птенцу?»

Снова грусть в глазах у девы,
Снова дождь — в который раз!
Пойте, зяблики! — но где вы?
Что же я не слышу вас?

«Нет, нельзя мне быть веселой,
Без конца себя корю:
Покаянья плод тяжелый
Принесла я к алтарю.

Взял господь цветы из сада,
Но не взял иных даров,
Ни к чему теперь ограда,
Что стеречь мне от воров?

Сколько раз до зимней стужи
Плод мне снился золотой.
Мой злосчастный горб верблюжий
Посмеялся над мечтой».

«Ах, бедняжка, о верблюде
Над шитьем вздыхала ты.
Как пусты, ничтожны люди,
Бойся, бойся суеты!»

А она: «Скажи мне, кто я? —
Муха, червь, пылинка, прах!
Мерзость, что, гроша не стоя,
Позабыла божий страх.

Для других нарост я лишний,
Кочка на путилюбом,
Наградил меня Всевышний
Тяжким бременем — горбом!»

«Червь? Но чья на свете пища
Столь божественно чиста? —
Что Христовой крови чище?
Что святей, чем плоть Христа?

Муха? Кто же эту муху
Сгонит с божьего чела? —
Речь ее отрадна слуху,
Песня — ангелам мила.

Пусть пылинка, но какая! —
Светлым поймана лучом,
Мчишься, всех нас увлекая,
И не помнишь ни о чем.

Мерзость? Верно: с той минуты,
Как тебя я повстречал,
Все мне мерзко почему-то, —
На себя бы так ворчал!

Благость не бывает лишней,
Благ творец и потому
Благо все, что дал Всевышний,
Благодарна будь ему!

Ты Спасителю готова
Тело в жертву принести, —
Знак причастия святого
Он поможет обрести:

Разве Ева в блеске славы
Лишним не была ребром?
EVA — я читаю: AVE!
Не твоей ли славы гром?

Разве это горб верблюжий?
Безобиднейший нарост!
Если на сердце все хуже,
То ответ на это прост:

Ты печалишься впустую,
И при виде слез твоих
Песню зяблика простую
Я пою для нас двоих».

(1817)

Солдаты, эх солдаты,
Как божьи пташки, святы.
Палатка — небосвод,
Ешь-пей, что бог пошлет.

Спишь на траве ты или
В сырой земле, в могиле, —
И никаких забот.
Труби, трубач, поход!

Трактирное оконце
Для волонтера — солнце,
Друг — фляжка, а жена —
Полночица-луна.

У звезд свои уставы,
Маневры и заставы,
И свой, как у солдат,
Небесный вахтпарад.

Иди на битву смело,
Земля примет тело,
Бог душу, а мундир
Дружок снесет в трактир.

Кто пал — уже не воин,
Кто встал — креста достоин,
Кто цел — мотай на ус,
Сдается только трус.

Мир держится любовью
Иль вражескою кровью,
И гнется, кто не тверд, —
Нейтрален только черт.

Мужик нам даст сивухи,
И станет кисло в брюхе,
А дочка поднесет —
И дрянь сойдет за мед.

1817

25 АВГУСТА 1817 ГОДА

Одинокой смерти жду,
Состраданья не желая,
Потеряв свою звезду,
Ни на что не уповая,
Одинокой смерти жду,
Смерти путника в пустыне.

Одинокой смерти жду,
Смерти путника в пустыне,
Потеряв свою звезду,
Потеряв свою святыню,
Одинокой смерти жду,
Смерти нищего в недоле.

Одинокой смерти жду,
Смерти нищего в недоле,
Потеряв свою звезду
И пути не видя боле,
Одинокой смерти жду,
Смерти дня в вечерних бликах.

Одинокой смерти жду,
Смерти дня в вечерних бликах,
Потеряв свою звезду
В сонмах звезд тысячеликих,
Одинокой смерти жду,
Смерти узника в темнице.

Одинокой смерти жду,
Смерти узника в темнице,
Потеряв свою звезду,
Не устав по ней томиться,
Одинокой смерти жду,
Смерти лебеда певучей.

Одинокой смерти жду,
Смерти лебеда певучей,
Потеряв свою звезду,
Горний свет над черной кручей,
Одинокой смерти жду,
Смерти в море-океане.

Одинокой смерти жду,
Смерти в море-океане,
Потеряв свою звезду,
Сохранив одно страданье,
Одинокой смерти жду,
Смерти чувства в час унылый.

Одинокой смерти жду,
Смерти чувства в час унылый.
Потеряв свою звезду,
Одинокий и постылый,
Одинокой смерти жду —
Смерти сердца в сердце милой!

1817

Соловушка, бывало,
Нам пел в тиши ночной,
Ты был тогда со мной,
И я не тосковала.

Мне слезы лить негоже.
За прялкою пою,
И месяц нить мою
С небес увидел тоже.

Соловушка, бывало,
Нам пел во тьме ночной.
Как больно мне одной!
А птице горя мало.

И светит месяц тоже
Тебе в чужом краю.
Храни любовь мою,
Соедини нас, боже!

А птица, как бывало,
Поет во тьме ночной.
Ты прежде был со мной,
И я не тосковала.

Соедини нас, боже,
Храни любовь мою!
За прялкою пою
И с песней плачу тоже.

(1818)

БОЖЬЯ СТЕНА

Есть под Шлезвигом немало
Ветхих нищенских лачуг;

Разорял их враг, бывало,
Осаждая город вдруг.
Вновь трепещут горожане,
Беднякам несдобровать;
Шведы, русские, датчане
Шлезвиг будут штурмовать.

Дом под Шлезвигом убогий
На отлете, на юру.

Дом под Шлезвигом убогий,
Там поет старушка мать:
«На мои воззри тревоги,
Ниспошли мне благодать!»
Новомодное безверье
Внука тешит в двадцать лет,
И в спасительном преддверье
У него елея нет.

Дом под Шлезвигом убогий,
Там поет старушка мать.

«Огради ты нас оплотом! —
Так поет старушка мать. —
Ты пропасть не дай сиротам,
Отврати ты вражью рать».
Вольнодум сказал с досадой:
«Лучше, бабушка, не петь...
Защитить наш дом оградой
Даже богу не успеть».

«Огради ты нас оплотом!» —
Так поет старушка мать.

«Нет предела божьей власти!
Внучек, веруй ты со мной.
Тех, кому грозят напасти,
Ограждает бог стеной».
Трубы, грохот барабанный,
Ржанье, топот, скрип телег;
Объявился гость незваный,
Начинается набег.

«Огради ты нас оплотом!» —
Так поет старушка мать.

Сразу грабить устремились
Мародеры напролом.
В каждый дом они вломились,
Но не в этот бедный дом.
Шепчет бабке внук с тревогой:
«Эта песня выдаст нас!»
Но войска своей дорогой
Мимо шли за часом час.

«Огради ты нас оплотом!» —
Так поет старушка мать.

Ночь холодная настала.
«Время ставни затворять», —
Внуку бабка прошептала,
А сама поет опять.
Ледяная тьма сгустилась,
Хлопья снежные летят;

У соседей разместилось
Человек по шестьдесят.

«Огради ты нас оплотом!» —
Так поет старушка мать.

«Огради ты нас оплотом!» —
Пела в доме до зари,
Поутру промолвив: «Что там?
Как соседи, посмотри!»
Не открыть наружу двери,
Внутри открылась дверь с трудом;
Нам дает господь по вере!
Весь под снегом скрылся дом.

«Огради ты нас оплотом!» —
Пела так старушка мать.

«Нет предела божьей власти!
Бог воздвиг оплот вокруг,
Чудом он отвел напасти», —
Так поверил в бога внук.
Девятнадцатого века
Шел четырнадцатый год.
Бог всегда за человека,
Наш единственный оплот.

«Огради ты нас оплотом!» —
Пела так старушка мать.

1816

ИЗ «СКАЗКИ О ГОКЕЛЕ, ХИНКЕЛЕ И ГАКЕЛЯЙЕ»

На пажитях созревших строк,
Где воздух волен и широк,
Забудешь ты о горе.
Здесь грусти веял ветерок,
Покой задумчив был и строг,
И страстны были зори.
Но поздней жатвы минул срок,
Бродягой нищим за порог
И сам уйдешь ты вскоре —
Колосьев собирать оброк,
Искать любовь и видеть прок
В согласье, а не в споре.
Ты за ночь до костей продрог,
Ты не грешить давал зарок
С мольбой в угасшем взоре
И, благодарный за урок,
Припал в конце земных дорог
К кресту на косогоре
И прочитал: «Цветок, звезда,
Любовь и горе — навсегда».

Ткет во сне холстину ткач болезный,
Раненый орел парит над бездной,
Соловей безгласный, не смолкая,
Распевает, души улаждая;

Неуч пишет письмена проворно,
Курица слепая ищет зерна;
Медь во сне подобно воску тает,
Тот, в ком сердца нет, дитя ласкает,
И во сне за пенистою кружкой
Веселится трезвенник с подружкой.
Но затем приходит час прозренья
В ярких звуках, в безнадежном блеске,
И огней безжалостные всплески
Без пощады гонят сновиденья.
Вспыхивает факел! Бубны боли
В сердце ударяют поневоле;
Чудеса бегут в мгновенье ока,
И грустят бедняги одиноко.

Когда выходит Смерть косить,
Пощады нечего просить.
Страда вековая,
Коса роковая
Тела рассекает,
Все ближе сверкает;
Свивает смерть себе венки,
Скройся попробуй, бедный цветок!

Сегодня можешь ты цвести,
Тебя, однако, не спасти!
Нарцисс, как и мята,
Исток аромата,
Вьюнок и нимфея,
Печальная фея;
Свивает смерть себе венки.
Скройся попробуй, бедный цветок!

Нет погибающим числа,
Коса вплотную подошла;
И розы и лилии
Поникли в бессилии;
Грозит она тронам,
Венцам и коронам;
Свивает смерть себе венок.
Скройся попробуй, бедный цветок!

Мечтатель мак и белоус,
Болотных лютиков союз,
Лазурь вероники,
Пыланье гвоздики,
Что мальва, что примула,
Пора ваша минула;
Свивает смерть себе венок.
Скройся попробуй, бедный цветок!

Тюльпан, пьянящий цветом взор,
И ненаглядный флорамор,
И вы, амаранты,
Пышнейшие франты,
Тихоня фиалка,
Вербена-весталка;
Свивает смерть себе венок.
Скройся попробуй, бедный цветок!

Ты, горделивый василек,
И ты, адонис-уголек,
Пион, анемона,
Печать Соломона
И вы, цианеи,
Что неба синее;
Свивает смерть себе венок.
Скройся попробуй, бедный цветок!

Смерть незабудкам не простит,
За их прозвание отомстит,
Ругаясь при этом
Над миртовым цветом;
Бессмертнику тоже
Гордиться негоже;
Свивает смерть себе венок.
Скройся попробуй, бедный цветок!

В палатах царственной весны
Вы, скипетры, сохранены,
Вы, шлемы, порфиры,
Вы, копья, рапиры,
Вы, шпаги, вы, флаги
Напрасной отваги;
Свивает смерть себе венок.
Скройся попробуй, бедный цветок!

Вы подвенечная краса,
Вы доли, где блестит роса,
Вы души в слиянье,
Вы свет, вы сиянье,
Вы радость природы,
Ее хороводы;
Свивает смерть себе венок.
Скройся попробуй, бедный цветок!

Вы девственная чистота,
Вы шелк, вы бархат, вы фата,
Вы кубки, кувшинки,
Вы кудри, пушинки,
Вы блестки, вы кольца,
Вы звон колокольца;
Свивает смерть себе венок.
Скройся попробуй, бедный цветок!

Великий возвещая срок,
Ты, боже, муку превозмог;
Вы змеи, вы страсти,
Вы зубы, вы пасти,
Вы гвозди, вы черти,
Вы символы смерти;
Свивает смерть себе венки.
Скройся попробуй, бедный цветок!

О ты, печаль среди утрат!
С тебя совлечь бы твой наряд,
Флаконы с духами,
Где слезы с грехами,
Потуги коварства,
Недуги, мытарства;
Свивает смерть себе венки.
Скройся попробуй, бедный цветок!

Лети, пчела, с полей назад!
Разрушен твой медовый склад.
Услада для роя,
Сокровища зноя,
Земные светила,
Вам смерть пригрозила,
Свивая вечный свой венки.
Скройся попробуй, бедный цветок!

О время, вечность, лов и зов,
Покров для звезд и для цветов,
Венки мой держите,
Мой снопы довяжите!
Все то, что созрело,
Для господина цело,
Все попадет к нему на ток.
Скройся попробуй, бедный цветок!

(1838)

АЛЬГАМБРА

Безмолвно девочка сидела,
Скрестив ручонки на груди,
И неотступно вдаль глядела,
Свет различая впереди.

И чередою просветленной
Подснежники нежнее сна
Клонились к юбочке зеленой;
Зиме пригрезилась весна.

Пернатые не щебетали
На ветках трепетных своих;
Молчать они предпочитали,
Неуловимый ветер стих.

И при дороге отдыхая,
Спросил малютку пилигрим:
«Поведай мне, мечта какая
В твоей душе, где мир мне зрим?»

Проговорила в грусти смутной,
Головку жалобно склоняя:
«Когда бы в спальенке уютной
Укрыла матушка меня!

Она бы педа: «баю, баю»,
И, слушая небесный стих,
Я знала бы, что засыпаю,
Что я счастливее других.

Во мне бывшее шевельнулось:
Я как дитя в родной тиши.
Пережитое всколыхнулось
Листвою в глубине души.

Четверг. Я в комнате у деда
(Покойный дед любил меня);
Смотрю картинки, непоседа,
И грежу среди бела дня.

Альбомы разные листая
На пестром мраморе стола,
Я, словно рыбка золотая,
В прозрачной заводи плыла.

С моей сестрою скит я строю,
Мы с нею под столом сидим;
Любимой заняты игрою,
Мы в книгу Задлеров глядим.

Мы видим в нашей детской келье,
Отгородясь от суеты,
В лесах и в сумрачном ущелье
Пустыннические скиты.

Когда невольно в жарком споре
Дед о сомненьях говорит,
Однако деде мудрой вскоре
Сдается, Библией побит,

Мы видим в книге поношенье
Отшельнической седины:
Сомнением во искушенье
Анахореты введены.

Вокруг резные статуэтки...
В шкафу чудес не сосчитать:
Ракушки редкостной расцветки
Блестящим камешкам под стать.

Меня случайность огорчила,
В чем признаюсь начистоту;
Мне кошка на плечо вскочила,
Спугнув прекрасную мечту».

Ей пилигрим сказал: «Сиротка,
Я тоже был с тобою там;
Иду всегда и всюду кротко
Я за тобою по пятам».

В ответ малютка: «Что со мною!
Себе я кошкою кажусь;
Не дрогну перед крутизною,
Я коготками удержусь.

По веткам двигаюсь прыжками,
Пускай передо мной скала,
Я в небесах, под облаками,
Лечу! Прощайте! Я стрела!»

Ей пилигрим сказал: «Сиротка!
Я все равно с тобою там.
Твоя душа — моя находка,
Вовек не разлучиться нам».

Девушка тихо продолжает:
«Хотя вокруг полдневный зной,
Меня прохлада убажует;
Колонна прямо надо мной.

О залы, залитые блеском!
О неумолчный водомет!
Меня чаруя нежным плеском,
Он песнь цветистую поет.

Я в залах сказочной Альгамбры,
Расцветен грезами чертог;
Я запах ладана и амбры,
Я фимиама, и я цветок.

Кто я? Быть может, я услада
В шатре причудливом цветном
Или внезапная прохлада
Луча в потоке водяном?

Не птица ли, душа чертога,
Я, выпавшая из гнезда,
И не нужна ли мне подмога,
Чтобы летать и петь всегда?

О душный запах померанца,
В моей крови ты приживись!
Я так легка, я жажду танца
На звонкой струйке, бьющей ввысь.

Я нежусь в мраморной постели,
Мой коврик мне милей земли;
Вокруг меня цветы запели,
Тогда как птицы зацвели.

Стихи, созвездья золотые,
Шатер лазури, высота,
Приблизьтесь, дали пресвятые,
Мир, поцелуй меня в уста!

Сердечко ранено глубоко.
Послушай, как стучит оно,
Так одиноко, одиноко,
Далеким счастьем прельщено.

Знать не хочу газетной прозы
И толстых философских книг;
Нет сладостней метаморфозы:
Я вся преобразилась вмиг.

Из куколки освобождаюсь,
Плыву под сенью лепестка,
Звучу, порхаю, возрождаюсь;
Целует ветер мотылька.

Мечта моя! Скажи правдиво:
Душой неужто покривлю,
Рассеиваясь нерадиво?
Неужто трезвость во хмелю?

Кого пресытила услада,
Что я в крови моей храню?
Приметы девственного клада
Кто выдал солнечному дню?

Неутолимое томленье,
О ласточка моей души,
Над водометом в отдаленье
Попробуй сердце потуши!

Глоток, нет, поцелуй мой жгучий,
Цветок, пчела и уголек,
Росток, нет, лакомка летучий,
Меня не выдай, мотылек!

Светлотенистым этим залом
С каймою звучнозолотой
Облечена, как покрывалом,
Душа моя с моей мечтой.

Как вожделенье опьяняет
Среди душистых лепестков,
Так шлем воинственный пленяет
Красою розовых венков.

Отрадно мне в прохладных залах
На всех колоннах лепетать,
Купаться в пляшущих кристаллах
И золотую сеть сплетать.

Поймаю солнышко в тенета,
Приглажу золото лучей
И ввергну в холод водомета,
Чтобы сияло горячей.

Кристаллы расцветив седые,
Играет на заре мороз;
Играют вина молодые,
В которых ток бессмертных лоз.

Покров над водометом львиным,
Ты, тень моих тенет и взлет,
Младенцем ты прильнул невинным
К моей груди, сладчайший гнет.

Как опишу обитель нашу,
Где розы гордых львов пьянят,
Поднявших мраморную чашу,
В которой капельки звенят?

Абенсерахов зал пространный,
Где кровь кричит, как в страшном сне,
Где нанесла другим я раны,
Где наносили раны мне.

Плач, вопли, стоны, причитанье,
Скорбь духов, неумолчный хор,
Прервите вечное роптанье!
Нет вам покоя до сих пор?

Прочь, прочь! Скорее, ради бога!
Стремглав бежать я предпочту
Туда, где посреди чертога
Мой сад в таинственном цвету.

Сокровищница Линдахары,
Альгамбры вечная весна,
Как и в прозванье Дулькамары,
Вся скорбь любви в тебе слышна.

Сад, где всю ночь луне в усладу
С ней водомет ведет игру,
Где розы берегут прохладу
Для солнечных лучей в жару.

Лимоны, мирты, апельсины
Мою купальню сторожат;
Благоуханные глубины,
Овеяв душу, освежат.

Ты вертоград – подобье рая,
Где возвещают письма:мена:
Земной цветок – свеча живая,
Что небесами зажжена.

О алебастровое ложе
Вскипающей голубизны!
С тобою только небо схоже
В томленьи трепетной луны.

Под сенью мраморной ограды,
Как сердце у меня в груди,
Ты, вертоград моей отрады,
Утрат моих не береди!

Сдается мне, в цветах пахучих
Таится мой бессмертный дух
И на кустарниках колючих
Остался мой летучий пух.

Я выводок, и я наседка;
Я птица, гнездышко, яйцо;
Меня раскачивает ветка.
Так замыкается кольцо.

Мне кажется, что я резная,
Рисунок, здание, лепесток;
Я водяная пыль сквозная,
Над водометом завиток.

Кто пояс развязал девичий,
Кто мой веночек расплетал
И, не желая знать приличий,
Цветы на солнце разметал?

Шаги послышались мужские,
Отважен юноша на вид;
Опасны войны такие,
В руках он держит верный щит.

Он молвит: «Ради Линдахары,
Гасул, я терпеливо жду,
Когда пленительные чары
Развеет лик ее в саду.

Свое волшебное явление
В щите моем она узрит
И наконец мое томленье
Сердечком детским усмирит.

В себе ты девственно замкнулась,
Тоске безмолвной предалась.
Альгамброю ты обернулась
Не прежде ли, чем родилась?

И до рожденья ослепляла
Ты совершенством этих стен;
Ты духов духом вдохновляла.
Чего же ты ждала взамен?

Являя зеркало томленью,
Твои разрознили черты,
Но, не противясь просветленью,
Единство увенчала ты.

Все, что боролось и болело
В самосожжении сердец,
В груди твоей навеки цело,
В тебе воскресло наконец.

Ты вся в творенье несравненном,
Вся в этих явных чудесах,
Луч света в камне драгоценном,
Звезда в пустынных небесах.

В тебе Альгамброй восхищаюсь,
Себя в Альгамбре видишь ты.
Я к Линдахаре возвращаюсь,
Мои сбываются мечты.

Звезда мне душу окропила,
Как лилию в ночной тени;
Невеста собственного пыла,
В мой щит, как в зеркало, взгляни!

Твой поясок завязан снова,
И твой венок девичий цел;
Спасти Гасула ты готова,
Свет Линдахары я узрел».

Я в щит Гасула заглянула
И, тронута его мольбой,
Сама себе чуть-чуть кивнула,
Завороженная собой.

Все сгнуло вокруг неожиданно;
Лишь все цветы моей весны
Остались целы, как ни странно,
И в мой веночек вплетены.

Нет больше сказочной Альгамбры;
Она во мне, а я одна;
Я запах ладана и амбры,
С Гасулом я разлучена».

Слова малютки отзвучали,
А пилигрим едва дышал;
Цветник причудливый в печали
Слезами странник орошал.

Промолвил он: «В твоём сиянье
Я тихо плакал до сих пор,
Чтобы в сердечном обаянье
Утешить радугю взор.

О, принеси мне лист масличный,
Голубка мирная, спеши!
Вокруг простерся мир безличный,
Нигде не встретишь ни души».

Малютка так бы и бежала,
Но задал странник ей вопрос:
«Неужто ты боишься жала,
Которым ранит кровосос?»

В ответ промолвила девчушка:
«Мне страшен разве что паук!»
А пилигрим сказал ей: «Мушка!
Плясунью выдает испуг».

Малютка возразила строго:
«Господь не причиняет зла!
Вся эта нечисть не от бога,
Угодна богу лишь пчела.

Пожалуй, змей терпеть согласна
Я в тихой комнатке моей,
Но пауков боюсь ужасно:
Паук страшнее всяких змей.

Пускай, летая до упаду,
Жук майский в сумерках жужжит,
Он зеленеющему саду,
Самой весне принадлежит.

Пусть блохи скачут, можно даже,
К ним присмотревшись, их ловить;
Клопы назойливые гаже,
Клопов приходится травить.

И я, проведав деток бедных,
Постыдный выдаю секрет:
От насекомых этих вредных
Богатым тоже спасу нет».

А пилигрим спросил: «Как можно,
В Альгамбре дивной затворясь,
Увидеть мир, где все ничтожно,
Болото, где разврат и грязь?»

Она сказала: «Я в смятенье
Мечтала рай нарисовать;
Без человека в запустенье
И солнцу там несдобровать.

Картины я не написала,
Недостает мне мастерства;
Сердца бы песней потрясала,
Но где же, где найти слова?

Оцепенело все живое,
На птиц напал великий мор:
Вздыхает эхо гробовое,
В крови язвительный раздор.

Свой звездный лик, смертельно бледный,
Сокрыло небо в тусклой мгле;
Передо мною ангел бедный
Лежит в оковах на земле».

Ответил странник: «Не взовьешься,
Сиянием окрылена;
Ты, бедный ангел, к свету рвешься,
Но солнцем ты ослеплена.

Твое призвание — светиться;
Пусть ты ввергнута во тьму,
Святого образа частица,
Дай к сердцу я тебя прижму!»

К нему прильнув, она страдала,
Ему позволив сострадать,
Грядущего не разгадала,
Хоть не могла его не ждать.

Так, возносясь над быстротечным,
Друг с другом чувствуя тепло,
Они уже дышали вечным,
И время к вечности пришло.

Спросил паломник в изумленье:
«Сердечко ли твоё стучит?
Откуда это просветленье?
Что там сияет? Что звучит?»

Малютка кротко в даль всмотрелась,
Вперяя взор в ночной простор,
И вся, как небо, разгорелась,
Где пламенеет звездный хор.

Она сказала: «Что творится?
Сердечку не забиться так,
И волосам не заискриться;
То раздаётся мерный шаг».

Сиянью не было предела,
Вел путник под уздцы осла;
Та, что на ослике сидела,
Чиста, как лилия, была.

Увидев ангела в оковах,
Она покинула седло;
Явив отрадный мир в покровах,
Надежду слово принесло:

«Твои лишения суровы,
Но ты стремишься только в рай;
Разрушит бог твои оковы,
Ты в рай вернешься, так и знай!

Не избегай моих объятий,
Послушай, бедное дитя:
Любовь становится дитятей,
Во мне тебя же обретя.

Свою дорогу твердо зная,
Отправься в дальние края;
За мой подол держись, родная,
Я тоже матушка твоя,

Баюкать в яслях будешь братца!
Развяжет он тебе крыла,
Чтобы до райских кущ добраться
Освобожденная могла.

Там нет зловредной паутины,
Чарующей Альгамбры нет,
Но там увидишь ты картины
Получше тех, что выбрал дед».

В ответ малютка: «Я повсюду,
У всех ворот, у всех дверей,
За твой подол держаться буду,
Садись на ослика скорей!»

Спросила дева: «А скиталец,
Который там в грязи лежит?»
Малютка вспыхнула: «Страдалец!
Он сам за мною побежит!»

Услышал странник это слово,
Приободрился, встал затем;
В преддверье Рождества святого
Он держит путь на Вифлеем.

Марией прозывалась дева,
Иосиф ночью вел осла;
И до пастушеского хлева
Дорога гладко пролегла.

Теперь скажу без промедленья,
Чей путь мы вскоре повторим:
Малютка — знаменье томленья,
Воображенье — пилигрим.

1839

ПРИМЕЧАНИЯ

В сравнении с романтиками, которые собрались вокруг братьев Шлегелей, Brentano (1778–1842) – словно человек из другого мира. Правда, романтические программы и теории, поэтические начинания не прошли мимо него, но Brentano – первый среди романтиков, в творчестве которого не чувствуется пут и оков, наложенных то ли воспитанием, то ли ограниченностью дарования, то ли теорией. Brentano несет в себе огромную стихию поэзии, его лирика – не натужна и не легковесна, стихи послушно следуют за мыслью и чувством. Это единство личности поэта с его стихом, с его творческим инструментом всегда поразительно; поражало оно и самого Brentano, который чувствовал себя не столько поэтом, сколько воплощением поэзии. Brentano родился на Рейне в семье богатого купца-итальянца, который в молодые годы приехал в Германию, прижился тут и разбогател. В гимназии, в Кобленце, судьба свела Brentano с Йозефом Гёрресом, который

спустя полтора десятилетия стал учителем Эйхендорфа и вдохновителем его поэзии. В 1807 г., в Гейдельберге, оба – Brentano и Гёррес – выпустили в свет остроумную сатиру на филистеров – «Удивительную историю часовых дел мастера БОГСа», где имя часовщика сложено из начальных и конечных букв фамилий обоих авторов. Жизнь Brentano представляется внешне бесплодной, бесплодной, с путаницей отношений, с житейской сумятицей. Однако, несмотря на все тревожения, в его жизни не замечаешь тяжеловесности и чрезмерной зависимости от житейских обстоятельств. В 1801–1802 гг. Brentano публикует роман «Годви», пишет зингшпиль «Веселые музыканты» (1803), комедию «Понсе де Леон» (1804); он дружит с Ахимом фон Арнимом, готовит с ним сборник «Волшебный рог мальчика» (1806–1808) – обработку поэтических произведений в народном духе, с включением туда и некоторых своих работ; он трудится над эпическими «Романсами о розарии», которые не завершает и не публикует, собирает громадную библиотеку, которую к концу жизни распродает, приступает к работе над сказками, которые завершает, но не публикует, пишет несколько небольших хороших рассказов, начинает, не доводит до середины, затем перерабатывает и издает повесть «Из хроники странствующего школяра» (1818), пишет несценичные драмы. Он создает огромное количество стихотворений. Brentano в поэзии искал не истины вообще, а поэтической истины, не чувства, а поэтической правды чувства, – человеческая неискренность, надломленность и душевная запутанность могли выражаться в его поэзии искренне и правдиво; ему никогда не удавалось отделить поэзию и жизнь, позу и самую «суть». Можно представлять себе Brentano человеком, вся жизнь которого – поза, но не нарочитая, не придуманная ради обмана, а глубоко проникшая внутрь личности, которая никак не может стать «сама собою». Поэт вынужден играть роль или роли, какие выпадут на его долю. Brentano все время как бы «убегает» от самого себя и, изменяясь, не изменяет себе. Он словно постоянно ищет какую-то потерянную нить, которая связала бы в единое целое и его человеческую судьбу, и весь мир. Читая сказки Brentano, ловишь себя на том, что веришь в их правдивость, что

хочется верить в нее, несмотря на всю фантастичность происходящего. Ведь уже в молодости Брентано так «сочинил» свою балладу о колдунье Лорелее, что все, включая знатоков рейнских сказаний, сочли рассказ народной легендой, существовавшей испокон века. И в середине, и в конце своей жизни Брентано создает немало глубоких и проникновенных поэтических произведений, не уступающих его более ранним стихам в неповторимой музыкальности.

Из романа «Годви»

Первый и единственный роман Брентано – юношеское произведение, в котором отразились душевные кризисы, неотчетливые надежды и ожидания, поэтические восторги автора. Как определял сам Брентано, это «запутавшийся», или «одичавший» роман; так и значится на его титульном листе. Брентано вывел здесь самого себя под псевдонимом – Мария; этот Мария сам пишет роман, в конце умирает, и завершающее книгу сатирическое его жизнеописание приписано реальному другу писателя – Августу Винкельману. В 1798–1800 гг. Брентано написал первую часть романа, которая была издана в Бремене в 1801 г. по рекомендации К.-М. Виланда, старого и заслуженного писателя, – последний в юности был дружен с писательницей Софи Лярош, которой Брентано приходился внуком. В конце 1801 г. вышла в свет и вторая часть романа. Стихотворения, весьма разнообразные по жанру, занимают в романе значительное место – в них ярко раскрылось поэтическое дарование Брентано.

Стр. 4

«Легкий вест, дыханьем тронув...» – Стихотворение из письма Вердо Зенне, старого арфиста, в котором продолжает жить арфист из гётевского романа «Годы учения Вильгельма Мейстера»: «От западного ветра коченеет мое тело, и песнь моей арфы звучит не так громко из-под сводов моего дома... Я слишком страдаю... Телесная оболочка не способна сдерживать жар сердца, скоро я паду на землю горстью пепла».

Стр. 5

«Ненастья вечернего стоны...» – Из письма Годви его другу Рёмеру. Молодой Годви, сын богатого купца, находится в жилище Вердо Зенне: «На вершине высокой горы, в амфитеатре, образованном густым дубовым лесом, расположен замок Рейнхардштейн; под громадными высокими сводами в центре замка, лежащего в развалинах, он устроил себе несколько комнат... Я запомнил одну из его песен...»

Стр. 6

«Арфа в пышном цветочном уборе...» – Вновь песня Вердо Зенне. *Тилья* (Оттилия) – дочь Вердо Зенне.

Стр. 7

«Молви из дали...» – Песнь Оттилии.

Стр. 9

«Могилу старому готовь...» – Стихотворение самого Годви; встречается также в одном из писем Брентано, где проза часто переходит в стихи.

Стр. 10

Памятник Виолетты. – Этот памятник Годви ставит в старости девушке, которую знал в юные годы и которая пошла путем греха. Во второй части романа этот стихотворный цикл составляет целую главу XVII; в ней перелагаются мысли и впечатления предыдущей главы. В главе XVI дано следующее описание памятника: «Барельефы по четырем сторонам пьедестала заключали в себе аллегорию жизни Виолетты. Первый барельеф – дитя избирает наслаждение. Второй – девственность приходится ей не по мерке. Третий – наслаждение побеждает, развязывает ей пояс и обвязывает его вокруг ее глаз. Четвертый – любовь ее побеждает, и она, в объятиях духа-хранителя, достигает поэзии, но лишь в безумии. Скульптурная группа в целом – ее апофеоз и ее смерть. Над ней парит дух, к груди прижимается лебедь, простиерший крылья словно в полете, в одной руке у нее лира, которую она

поднимает вверх и сама смотрит в небеса. Паря в воздухе и борясь с силой тяжести, обнаженная девушка поднимается ввысь, и ее одеяние красивыми складками спадает на пьедестал. Ее голова опустилась на грудь – она мертва; рука духа опутана ее локонами, он помогает ей подниматься...» В описании памятника и в стихах есть прямые противоречия. Цикл написан, видимо, между осенью 1800 – весной 1801 г. Похожий памятник Брентано видел в имени Фридриха-Карла фон Савиньи (1779–1861).

Стр. 15

Образ Аннонциаты. – Сонет из главы XXI второй части. Этот и следующий сонет – описания картин, которые Мария видит в доме Годви. «Вечерние сумерки, справа заход солнца, слева на переднем плане, в тени, холм, поросший сочной зеленью, и на нем хижина, заросшая виноградом. Аннонциата, ей лет четырнадцать, сидит под крышей из вьющегося винограда, в белом платье, черные локоны ее спускаются на плечи, одежда ее более чем живописна... взор ее прикован к той минуте, где проникают друг друга небо и вечерняя заря...» Брентано посвятил сонет своей сестре Беттине (впоследствии известной писательнице, жене поэта Арнима); написан он, видимо, весной 1801 г.

Образ Марии. – «Мария, сестра Аннонциаты. Какой покой, какая тишина, кажется, слышно ее дыхание...» Этот сонет поэт посвятил своей сестре Мелине.

Стр. 16

«На Рейне в Бахарахе...» – В романе это песня Виолетты (ч. II, гл. XXXVI). Всего существуют три авторские редакции этого текста, ставшего известным под названием «Лорелея». Настоящий перевод воспроизводит редакцию, впервые опубликованную в 1965 г. Первая редакция предположительно датируется 1800 г. В романе к последнему четверостишию – сноска: «Близ Бахараха стоит эта скала, называемая Лоре Лей; корабельщики, проплывая мимо, взывают к ней и радуются многократному эху». Эта скала, Лурлаберх, скала эльфов, была

известна с древности: трехкратное эхо, обычай обращаться к ней с вопросами, на которые ожидался ответ от живущих в скале эльфов, – все это засвидетельствовано с XIII века; поэт того времени, Марнер, сообщает, что в этой же скале хранится сокровище Нибелунгов. Образ волшебницы Лорелей принадлежит исключительно Brentano; его вслед за ним развивали другие поэты, и не только немецкие. В первой редакции конец – короче; в переводе В. Топорова он звучит так:

Три рыцаря в смятенье
С утеса не ушли.
Лежат без погребенья
Во прахе и в пыли.

Кто людям спел об этом?
Не рейнский ли рыбак?
Но над тройным скелетом
Звучит отныне так:

Лорелей!
Лорелей!
Лорелей!

Три двойника души моей.

Стр. 19

«Мария, куда ты вечером уходила?..» – В романе (ч. II, гл. XIV) эту песню поют Мария (то есть сам автор) и его сестра София: «Мы всегда пели эту песню, когда у нас было печально на душе; сестра пела за мать, которая расспрашивает дитя, а я, со слезами в голосе, пел за ребенка; для нас в этой песне заключалось утешение – мы утешались любовью матери и смертью дитяти».

Стр. 21

«Плывет рыбак на лодке...» – Песню поет в романе

(ч. II, гл. XXIV) склонный к грусти слуга Георг. Настоящий перевод сделан по рукописной редакции.

Стр. 25

Веселые музыканты. — Из главы XXXII второй части романа; эта песня вошла в зингшпиль того же наименования.

Стр. 30

«Хотел бы для тебя я...» — Это и последующее стихотворение — из комедии «Понсе де Леон», написанной в 1802 г. для устроенного Гёте конкурса драматических произведений.

Стр. 32

«Легкокрыла жизнь младая...» — Один из вариантов стихотворения находится в письме Брентано к Ф.-К. фон Савиньи от 22 июня 1802 г.; здесь ему предшествует обращение к сестре Беттине: «Ах, Беттина, ты на земле единственная!..»

Стр. 33

«Едва ты, милая, за дверь...» — Стихотворение из письма Брентано Софи Мери (10 января 1803 г.).

Стр. 34

«Ах, звезды за счастьем...» — Из зингшпиля «Веселые музыканты».

«Слушай, флейта вновь рыдает...» — Дуэт из того же зингшпиля.

Стр. 35

«Я жил среди людей. Их было много...» — Стихотворение из письма Беттине (июнь 1803 г.).

Стр. 44

«В чаще тайной, заповедной...» – Одно из стихотворений, посвященных актрисе Августе Бреде, игру которой Брентано видел в Праге: «Я три недели был серьезно влюблен в нее, написал ей много песен и писем и целую ночь простоял под ее окном, наблюдая комету. Она все принимала скромно, с грацией, доверительно...» (Написано до 10 декабря 1811 г.).

Стр. 50

«Иду, во сне иль наяву...» – Это стихотворение, возможно, написано в 1812 г. Опубликовано в 1852 г. с редакционными изменениями.

Из «Рейнских сказок»

Семь стихотворений из цикла «Рейнские сказки», который Брентано закончил уже в 1811 г., но, за исключением отрывков, не публиковал. Впервые они были изданы в 1846 г.

Стр. 58

«Смолкни, милый соловей...» – Из «Сказки о сурке». В «Рейнских сказках» у Брентано появляется несколько иная Лорелея – «добрая и прекрасная русалка».

Стр. 59

«Я скитаюсь вдоль по свету...» – Из «Сказки о дон Штаренбергов и предках мельника Радлауфа»: песнь мельника.

Стр. 61

«Небо в небе, небо в водах...» – Из «Сказки о мельнике Радлауфе» – эпизод праздника в подводном дворце отца Рейна. Продолжение – следующее стихотворение. Как установлено, первые строки стихотворения вдохновлены космическими образами Гёрреса (из его рецензии графического цикла Рунге «Времена дня»): «...небо и над головой, и под ногами

небо, небо без конца и края, докуда простирается взор, рассыпаны звезды, и если бросить взгляд в головокружительную глубь, там, словно семена посеяны, горят яркие звезды...»

Стр. 67

«Е л е слы ш н о , е л е слы ш н о...» – Из «Сказки о доме Штаренбергов...». Лорелея (она же и мать мельника) сидит на опрокинутом мельничном колесе в окружении семи дев. *Кто с хлебом слез своих не ел...* – Brentano переиначивает знаменитую песню арфиста из романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» и пишет на нее блестящие вариации; все звучание, усиливая печаль, приобретает в то же время характер как бы бесплотного, неживого мерцания – настоящее подводное царство. Цитируя Гёте, переводчик пользовался переводом Ф. И. Тютчева в ранней редакции.

Стр. 71

«Н а Р е й н е н о ч ь н а с т а л а...» – Из «Сказки о мельнике Радлауфе»; мельник поет благодарственную песнь отцу Рейну. Была в 1826 г. опубликована в журнале «Ирис» («Ирида») без разрешения и без подписи автора.

Стр. 73

«О в е т е р п р о х л а д н ы й...» – Вторая песнь Рейну из той же сказки.

Стр. 74

«С в е т С п а с е н ь я в в ы ш и н е...» – Точная дата создания не известна.

Стр. 75

«П у с т ы н я , б а р х а н з а б а р х а н о м...» – Одно из центральных лирических созданий Brentano существует в несколь-

ких вариантах, над которыми поэт работал начиная с 1816 г. Здесь оно приводится в краткой редакции: время написания точно не установлено, опубликовано в 1877 г. Более полный вариант приводится в оригинале в основном корпусе книги, стр. 490–494.

Стр. 76

«Умолкни, сердце! мстительной сивилле...» – И это стихотворение известно в нескольких вариантах. Вместе с последующим оно содержалось в письме Луизе Гензель (январь 1817 г.). В авторизованной копии оба они объединены заглавием «Колыбельная тоскующего сердца».

Стр. 79–83

Песнь зяблика о монетке в девять грошей, верблюде и верблюжьем горбе. – Это стихотворение также обращено к Луизе Гензель (май 1817 г.). До 1968 г. публиковались лишь первые шесть его строф (впервые – 1852 г.). *Милый Линум* – обращение по названию того местечка, где родилась Луиза Гензель (поэтесса, сестра художника). *Разве мало отчей крови...* – По поверью, пеликан поит птенцов своей кровью и этим возвращает им жизнь. *EVA – AVE*. – *Ave* – слово ангельского приветия деве Марии («Аве, Мария!»), которая как бы отменяет прегрешение прародительницы человеческого рода Евы.

Стр. 84

«Солдаты, эх солдаты...» – Из торжественной драмы «Виктория и ее братья с развевающимися знаменами» (1817), посвященной победе над Наполеоном. Образцом взята песня, открывающая «Лагерь Валленштейна» Шиллера.

Стр. 85

25 августа 1817 года. – Стихотворение написано для Луизы Гензель. Есть пространная редакция 1834 года. (Оригинал ее см. в основном корпусе книги, стр. 560–563.)

Стр. 86

«Соловушка, бывало...» – Из «Хроники странствующего школяра» (1818). В 1852 г. было издано под заглавием «Ночная песнь пряхи».

Стр. 87

Б о ж ь я с т е н а. – Существует три редакции этого стихотворения, из которых одна была напечатана отдельно, другие опубликованы в 1832 и 1839 гг. Перевод сделан по варианту из письма Кристиану Brentano от 29 мая 1816 г. В основе стихотворения – события начала 1814 г., когда шведские, русские и немецкие войска преследовали близ Шлезвига датчан, выступавших на стороне Наполеона. Brentano позаимствовал сюжет из гамбургской газеты (1816); его же разрабатывали Рюккерт и Фуке. Brentano написал эту песню в Берлине в феврале 1816 г.; он любил исполнять ее дуэтом, аккомпанируя на гитаре. Один из современников (Отто фон Герлах) записал тогда же в дневнике: «Я исполнил у Шмальцов песню Brentano; они сказали, что им понравилось бы, если бы только Brentano сам не был в этой песне неверующим внуком. Это они заключили из того, что Brentano будто бы сам сказал, сочинив песню о сражении при Бель-Альянс: я подпустил немножечко религии, чтобы приманить этих людей».

Из «Сказки о Гокеле, Хинкеле и Гакеляйе»

Три стихотворения из поздней редакции «Сказки о Гокеле...» помещены во включенном в нее «Дневнике прародительницы (со Страстной пятницы до солнцеворота 1317 года)». Эта редакция была начата в 1835 г. и завершена к декабрю 1836 г., опубликована в 1838 г.

Стр. 91

«Н а п а ж и т я х с о з р е в ш и х с т р о к...» – Последние строки, написанные в «Дневник» мальчиком, за которым скрывается сам Brentano.

«Ткет во сне холстину ткач болезный...» – В «Дневнике» это «странные стихи» «скудоумной» Клареты.

Стр. 92

«Когда выходит Смерть косить...» – Для своей поздней сказки Брентано переработал и расширил песню Виолетты из романа «Годви», – текст ее восходит к старинной песне.

Стр. 96

Альгамбра. – Эту поэму, впервые опубликованную в 1852 г., Брентано подарил художнице Эмили Линдер на рождество 1839 г. Долгое время не было ясно время ее создания; теперь можно считать установленным, что поэма целиком написана в 1839 г. Быстрый и прихотливый ток пестрых образов поэмы может вызвать затруднения при чтении, – они легко устраняются, если помнить, что основная сцена действия в стихотворении остается неизменной, зато девушка, которая беседует с пилигримом, с невероятной легкостью переносится своим воображением в иную действительность, забывая о настоящем. То это родной дом деда, в котором она живет ребенком, то на миг она представляет себя кошкой, то переносится в мавританскую Альгамбру. Всякая такая новая сцена – не просто реальна, но воплощает внутренние душевные силы творческого «я». Сама же девушка и есть изменчивая Альгамбра, одно из преломлений творческого воображения как такового. В беседе девушки с пилигримом складываются воедино неизбежная человеческая тоска по идеалу и творческая сила фантазии; они и рождают образы, наделенные художественной иллюзорностью и в то же время сверхотчетливостью реального, образы одновременно и правдивые и вымышленные. *Альгамбра* – крепость и дворец мавританских королей в Гранаде (Испания), выдающийся памятник искусства. Арабы владели Гранадой до 1492 г. Источником Брентано послужила

книга рассказов Вашингтона Ирвинга «Альгамбра» (1832), тогда же вышедшая и по-немецки.

Стр. 97

Я в комнате у деда... – Вся эта сцена восходит к реальным обстоятельствам жизни Эмилии Линдер – ее дедом был Иоганн Конрад Династ, базельский коллекционер, собрание которого до сих пор хранится в Базеле.

...Мы в книгу Задлеров глядим... – Книга Задлеров – собрание гравюр нидерландских гравюров Иоганна Заделера (1550–1610) и его брата Рафаэля (1555–1628) «Уединение, или Жития отцов-пустынников... Изображение отшельников в природе...» Для этих гравюр характерно далеко не типичное в XVII веке глубокое погружение в природу с ее дикими, необжитыми уголками, пещерами и развалинами, с мраком и тенью. Такое переживание природы перешло к некоторым романтическим поэтам.

Стр. 101

Абенсеррахов зал пространный – один из залов во дворце Альгамбры. Абенсеррахи – аристократический мавританский род, погибший в этом зале в ходе гражданских войн. Брентано знал книгу Хинеса Переса де Иты «Повесть о Серри и Абенсеррахах» в издании 1618 г. (Ginés Perez de Hita. Historia de las guerras civiles de Granada. En Sevilla 1618).

Стр. 102

Линдахара. – Розовый сад в Альгамбре, неподалеку от купальни и крепостной стены, назывался *Линдараха*. Кроме того, это имя одной из героинь повести Переса де Иты.

Дулькамара. – Dulcamara по-испански означает сладко-горький паслен, этимологически может быть прочитано как «сладко-горькая».

Стр. 103

Гасул. – В «Повести о Сегри и Абенсеррахах» это отважный герой, влюбленный в прекрасную Линдараху, отвечающую ему взаимностью. Повесть заканчивается их свадьбой.

А. В. Михайлов

СОДЕРЖАНИЕ

Из романа «Годви»

«Легкий вест, дыханьем тронув...» Перевод А. Ревича . . .	4
«Ненастья вечернего стоны...» Перевод А. Ревича	5
«Арфа в пышном цветочном уборе...» Перевод А. Ревича . 6	
«Молви из дали...» Перевод А. Ревича	7
„Sprich aus der Ferne...“	449
«В муках рвем оковы жизни брэнной...» Перевод А. Ревича 8	
«Так сердцу тяжело, что слезы – градом...» Перевод А. Ревича	9
«Могилу старому готовь...» Перевод В. Летучего	9
Памятник Виолетты. Перевод А. Ревича	10
Образ Аннонциаты. Перевод А. Ревича	15
Образ Марии. Перевод А. Ревича	15
«На Рейне в Бахарахе...» Перевод А. Ревича	16
„Zu Bacharach am Rheine...“	454
«Мария, куда ты вечер уходила?...» Перевод В. Топорова 19	
«Плывет рыбак на лодке...» Перевод И. Цветковой	21
„Ein Fischer saß im Kahne...“	450
Веселые музыканты. Перевод В. Миклушевича	25

«Хотел бы для тебя я...» Перевод В. Летучего	30
«Солнце было и пропало...» Перевод В. Летучего	31
«Легкокрыла жизнь младая...» Перевод В. Летучего	32

«Едва ты, милая, за дверь...» <i>Перевод В. Топорова</i>	33
«Ах, звезды за счастьем...» <i>Перевод В. Летучего</i>	34
«Слушай, флейта вновь рыдает...» <i>Перевод А. Гугнина</i>	34
«Я жил среди людей. Их было много...» <i>Перевод О. Думлер</i>	35
«Топ-топ-топ да тук-тук-тук!..» <i>Перевод В. Микушевича</i>	36
„Tippel Tippel trar, trar, trar...“	462
«Пожалуй, ведьмочка, в мой сад...» <i>Перевод В. Летучего</i>	38
„Komm Hexchen...“	464
«В чаще тайной, заповедной...» <i>Перевод В. Топорова</i>	44
«Иду, во сне иль наяву...» <i>Перевод В. Топорова</i>	50
„Ich träumte hinab in das dunkle Tal...“	472

Из «Рейнских сказок»

«Смолкни, милый соловей...» <i>Перевод М. Замаховской</i>	8
«Я скитаюсь вдоль по свету...» <i>Перевод В. Топорова</i>	59
«Небо в небе, небо в водах...» <i>Перевод В. Топорова</i>	61
«Чем здешний сумрак знаменит?..» <i>Перевод В. Топорова</i>	65
«Еле слышно, еле слышно...» <i>Перевод В. Топорова</i>	67
«На Рейне ночь настала...» <i>Перевод В. Топорова</i>	71
«О ветер прохладный...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	73

«Свет Спасения в вышине...» <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	74
«Пустыня, бархан за барханом...» <i>Перевод В. Топорова</i>	75
«Умолкни, сердце! мстительной сивилле...» <i>Перевод О. Думлер</i>	76
«Не плачь, душа, молчи!..» <i>Перевод Н. Боголюбовой</i>	77
Песнь зяблика о монетке в девять грошей, верблюде и верблюжьем горбе. <i>Перевод В. Летучего</i>	79

«Солдаты, эх солдаты...» <i>Перевод В. Летучего</i>	84
„Es leben die Soldaten...“	482
25 августа 1817 года. <i>Перевод В. Топорова</i>	85
25. August 1817	495
«Соловушка, бывало...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	86
Божья стена. <i>Перевод В. Микушевича</i>	87

Из «Сказки о Гокеле, Хинкеле и Гакеляйе»

«На пажитях созревших строк...» <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	91
«Ткет во сне холстину ткач болезный...» <i>Перевод</i>	
<i>В. Летучего</i>	91
„Wenn der lahme Weber träumt...“	507
«Когда выходит Смерть косить...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	92
„Es ist ein Schnitter, der heißt Tod...“	508

Альгамбра. <i>Перевод В. Микушевича</i>	96
---	----

Примечания	111
----------------------	-----

Клеменс Брентано

Избранные стихотворения

Перевод с немецкого

Составитель

Александр Викторович Михайлов

Приложение к изданию:

Клеменс Брентано. Избранное.

На немецком языке. Составитель
Сергей Сергеевич Аверинцев

ИБ № 1457

Редактор Н. Т. Беляева

Художник А. О. Семенов

Художественный редактор П. В. Иващенко

Технический редактор Е. Ф. Фонченко

Сдано в набор 18.03.86. Подписано в печать 28.04.86. Формат 70x100/32. Бумага офсетная. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,16. Усл. кр.-отт. 5,52. Уч.-изд. л. 4,81. Тираж 20000 экз. Заказ № 362. Цена 40 к. Изд. № 3393. Издательство "Радуга" Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119859, Зубовский бульвар, 17. Отпечатано с оригинал-макета способом фотоофсет на Можайском полиграфкомбинате Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Можайск. 143200, ул. Мира, 93.

48 x